

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2016 | ноябрь

интеллектуальный
диалог

Фото с сайта frockfiles.com

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

Как вывести предприятие на мировой рынок? Как научить ребёнка выделять в слове корень? Какому историческому труду верить? Где заявить свою гражданскую позицию? Такие вопросы мы задаём себе ежедневно. При этом рядом с нами люди, которые проходят тот же путь и, возможно, знают ответ.

Николай Тестоедов

10 лет из 65

Мы перестали говорить «ах, это невыгодно, мы этим не будем заниматься». Начали работать с проектами с нулевой рентабельностью, а по пионерским проектам — даже с отрицательной. Всё для того, чтобы прорваться на новые рынки и в новое качество, и это получилось.

8

Гузель Яхина

КНИГА ХОЧЕТ СТАТЬ ФИЛЬМОМ

12

Я была бы счастлива, если бы Зулейху сыграла Чулпан ХАМАТОВА, потому что она, как мне кажется, идеально подходит на эту роль.

Пётр Поляков

ФОРУМ НА «УРА»

14

У нас культурная программа — это самостоятельная и яркая часть конференции, а на Западе всё по-другому. Там, если отдельные компании хотят «засветиться», они приглашают делегатов на ужин либо везут на свой завод. Всё остальное — свободное время, и как участник мероприятия это время организует — его личное дело.

Текст _ Анна ГРУЗДЕВА
Фото _ Денис КЛЕБЛЕЕВ

«С этим дедом мы просто так
познакомились на улице и
разговорились прошлой осенью.

Не для сценария,
не для спектакля, не для
диктофона вообще»

Здравствуй, речь

Ежегодно на Красноярской ярмарке книжной культуры есть лекции и мастер-классы для журналистов. В этом году за эту часть программы КРЯКК отвечала Любовь МУЛЬМЕНКО — журналист, автор документальных пьес для Театра.doc, сценарист фильмов «Комбинат „Надежда“», «Ещё один год», «Как меня зовут» и автор книги «Весёлые истории о панике». Мы поговорили с Любовью о вербализме и наивных вопросах в журналистике, свежих языковых штампах, «механике человеческих судеб», о том, как развлечь себя в автобусе и заодно развить языковую чуткость.

— Ты долгое время работала журналистом, а потом начала писать пьесы и сценарии, сейчас у тебя вышла книга. Когда ты переключилась с журналистики на работу со сценариями, обнаружила разница подходов к работе с людьми, историями и языком? Поясни, почему спрашиваю. Мне кажется, что на факультетах журналистики студентов должны учить драматургии, антропологии, следователи — в общем, люди, у которых есть конкретные рабочие инструменты: умение работать в поле, с устной речью, с базами данных.

— Разница, прежде всего, в поводах. У журналистского интервью повод чаще всего информационный. У интервью, которое драматург берёт для документального театра, повод — антропологический. Это диктует и анкету, и ход беседы, и даже постпродакшн. Ты совершенно по-разному расшифровываешь интервью в журнал и интервью-вербатим.

Если я поговорил с известным писателем про его новую книжку, и если писатель пишет очень хорошо, а говорит не очень хорошо, я спокойно монтирую его устную речь, отказываюсь от повторов, исправляю логические ошибки. Во-первых, чтобы читатель быстрее понял, о чём это. Во-вторых, чтобы интервью занимало меньше места на полосе. В-третьих, чтобы писатель выглядел в беседе посимпатичнее. Это совершенно оправданные меры.

Если ты хочешь получить кусок мяса, живую речь, ты наоборот — только и ждёшь, чтоб человек вдруг ушёл в какие-нибудь дебри, резко сменил тему, долго нащупывал мысль. Тебе интересно не сама эта мысль, а путь — как человек к ней идёт. Главное тут, чтобы человек поменьше себя контролировал. Не потому, что хочется выбить из него какие-то тайны.

Информация меня как драматурга мало занимает. Меня занимает язык. Поэтому хорошо бы человек поскорее забыл, что у вас с ним — интервью.

Слово «интервью» лучше вообще не употреблять. Я обычно спрашиваю у своих документаль-

ных героев так: «Можно с вами поговорить? Я делаю спектакль (или пишу сценарий)». А стоит сказать «интервью», как у героя перед глазами возникает вымышленная камера, и он начинает вести себя как чиновник, у которого берут комментарий для телика. Сложносочинённые предложения, причастия, деепричастия. И всё — вы потеряли человека. Вам придётся подождать, пока он не устанет и не начнёт говорить так, как он обычно говорит.

Когда я работала в интернет-газете «Соль», мы пробовали смешивать форматы. «Соль» была фактически нашим авторским журналистским проектом. Мы [с Иваном КОЛПАКОВЫМ, Иваном ДАВЫДОВЫМ и Владиславом ГОРИНЫМ] придумали его с нуля. Рубрикацию, интонацию, внутренний кодекс — что мы можем себе позволить, а что не можем, какими хотим быть. А быть мы хотели злыми, весёлыми, неожиданными. И вот я, среди прочего, тащила в «Соль» вербатимы — по линии неожиданного.

Ходила по улицам и расспрашивала бабушек про их молодость и про молодость тех, кто молод сейчас. Со мной был фотограф Ваня КОЗЛОВ, он делал подробные фактурные портреты этих бабушек в духе обложки «Esquige». Пять бабушек — пять страничек текста, грязного, с многоточиями. Не рациональные рассуждения пенсионерок о возрасте, а обаятельный безответственный треп. По тем временам это было довольно свежо. Кроме «Большого города» с их рубрикой подслушанных разговоров, в СМИ никто особенно не работал с живой речью. Сейчас это уже общее место — вербатимами в журнале никого не удивишь.

— А важно, кто спрашивает этих бабушек?

— Конечно! От того, кто придёт к герою — девочка, бабушка, мальчик и какой мальчик — зависит то, как герой будет разговаривать. Насколько он будет расположен к собеседнику и насколько он будет откровенен.

На Сахалине я брала интервью у браконьера Васи. А Вася — патриархальный такой мужик, и в его системе молодые женщины — это практиче-

ски дети. Милые, безобидные. Поэтому он совершенно не боялся, что я смогу причинить ему вред, использовать сказанное против него — и, в общем-то, правильно не боялся. У Васи был довольно опасный вид, и если бы я была мужчиной, я бы разговаривала с ним осторожно, не решалась бы задавать острые вопросы. Общение двух взрослых незнакомых мужчин в принципе подразумевает список тем, которых странно касаться. А я, во-первых, младше Васи лет на пятнадцать, а, во-вторых, девушка. Я задавала очень тупые вопросы, и Васю это страшно веселило. Я не прикидывалась, а действительно ничего не понимаю про рыбалку и красную икру! В какой-то момент я спросила: «А вам рыбку-то вообще не жалко? Вы же её убиваете!» — «Нет» — «Ну, а кого-нибудь вам жалко? Ну, котика, собачку... Или вы всех можете убить?». Это жёсткий вопрос, но в контексте бреда, который я несла, он воспринимался как наивный девичий. Вася спокойно ответил: «Смотря сколько денег дадут». А потом добавил: «Хотя нет, собаку я всё-таки не убил бы ни при каких обстоятельствах». И дальше Вася внезапно рассказывает очень личную историю о том, как он в детстве случайно убил собаку, и это его страшно травмировало. Я бы в жизни не догадалась спросить «а не было ли у вас случайно в детстве какой-нибудь психологической травмы?» (да если б и спросила — могла остаться без ответа). А тут, неся чушь, нечаянно нашарила это важное поле.

Дебильные или просто иррациональные вопросы хорошо работают. Интервью документалиста — это ведь путешествие в никуда. Ты никогда не знаешь, о чём человека следовало бы спросить. Когда ты встречаешься с ньюсмейкером, ты можешь подготовиться, что-то о нём заранее прочитать. А тут какой-то браконьер Вася. Обсуждать с ним его браконьерство? Скучно. Чем более странной кажется твоему собеседнику тема, тем лучше для разговора.

— Часто в интервью не бывает интервьюера, журналист затирает свои вопросы и оставляет монолог.

— Из таких материалов часто торчат уши интервьюера. Герой начинает, например, с какого-то перепаугу отвечать на незаданный вопрос. Или автор подворовывает и добавляет в монолог вводную конструкцию: «Что я думаю о театре? Ну, пожалуй...». Якобы герой сам себя спросил и сам себе ответил.

В документальном театре тоже всё время встаёт вопрос, куда спрятать того, кто спрашивает? Вот ты набрал кучу прекрасного материала, но как это играть на сцене? Кто интервьюер? Как оправдать его присутствие? Можно придумать ещё одного персонажа — собеседника. Можно уничтожить все вопросы, и будет моноспектакль. Можно обнажить приём.

Я в какой-то момент стала избегать интервью один на один. Начала, например, собирать нескольких человек, говорить с ними чуть-чуть для разогрева, а потом бросать им тему и потихонечку самоустраняться из обсуждения. Тогда это уже не интервью, а многофигурная беседа. Симметричная схема «вопрос-ответ» разрушается. Один что-то сказал, другой мысль ухватил и что-то добавил, третий оспорил, четвёртый согласился. Ты провоцируешь людей на то, чтобы они говорили друг с другом, а не с тобой.

— Что читателю дают новые формы интервью в СМИ? На мастер-классе ты говорила, что часто так бывает, что интервью в технике вербатим — это не про героя, а про язык.

— Как правило, вербатимные штучки в СМИ — это разговор на конкретную тему, и в подводке она чётко сформулирована. «Мы решили поговорить с людьми, которые сменили пол» — дальше три монолога. Во-первых, такой текст от первого лица кажется более достоверным и убедительным. Читатель чувствует, что это дословно расшифровано, что здесь нет редактуры, попытки причесать речь героя. Во-вторых, всё-таки в вербатимах очень много юмора. Не знаю, как должно не повезти, чтобы ты проговорил с человеком полчаса и ни разу не было смешно. Твой собеседник обязательно оговорится или парадоксально сменит тему, и в этой парадоксальности тоже будет юмор.

— Где проходит грань между человеческим языком и нечеловеческим в СМИ? Когда смотришь сериалы, понимаешь, что в реальной жизни люди так не говорят, но этот неживой язык просачивается в твою семью. Например, мама, которая смотрит сериал, начинает говорить штампами.

— Помню, как люди невольно заимствовали лексику у героев «Дома-2», когда он только появился, был модным, новым, и все его смотрели. Участники шоу говорили плохо, соображали плохо, но очень старались, потому что они знали, что их снимают 24 часа в сутки. А когда бедная речь встречается со старанием, когда человек хочет казаться умнее, чем он есть, родится много смешного. В моменты возбуждения, во время ссоры, допустим, герои теряли бдительность и всё-таки срывались на свой родной язык — дворовый блатной. Или наоборот, начнут как во дворе, а закончат как в передаче на радио, где сообщают о результатах работы министерства сельского хозяйства за текущий год.

«Дом-2» пустил в народ формулировки типа «строить отношения», «объявить себя парой». «Ты ценишь меня как женщину? Я хочу поговорить о наших отношениях» — «Чё те надо? Чё ты хочешь знать?» — «Нет, ну, как бы ты знаешь, что нужно обсуждать отношения». Скорее всего, эти ребята у себя на кухне, без камер, никогда не заговорили бы друг с другом так. А тут они пытались устроить конференцию, семинар по любительской психологии и подключали подходящий понятийный аппарат: «кризис», «шанс», «компромисс». Им казалось, что с этим словариком их крепче полюбят зрители.

Зрители, в свою очередь, не задумывались о том, что это искусственный, специально созданный язык. Я в автобусе потом слышала, как девушка по телефону ругалась с парнем и говорила «я хочу поговорить о наших отношениях». Реальный человек неосознанно цитировал реальному человеку «Дом-2».

— А мат стоит запретить в искусстве, как следует по закону, или это человеческий язык, ты как считаешь?

— Понятно, как я считаю, если у меня на книжке написано 18+, а один фильм по моему сценарию [«Комбинат «Надежда»] не получил прокатное удостоверение из-за того, что в кадре звучит мат. В отличие от авторов закона, у меня нет специального отношения к мату. Если бы оно у меня было, я была бы активисткой, как они. Они ведь активисты в своём роде, это люди, у которых

от мата свербит. Для меня мат — совершенно легитимная часть языка, тут и обсуждать нечего.

— На лекции ты говорила, что слово «история» в речи часто бывает штампом. Например, в фразе «нам надо закупить ведро гвоздей и молоток для этой истории». Откуда берётся этот штамп? В Красноярске я почти не слышу слово «история» в повседневной жизни, но всегда слышу его на КРЯКК от москвичей. «Так, каким там пунктом у нас следующая история?» — это про программу лекций.

— Впервые я услышала это слово от чиновников из Пермского министерства культуры лет пять назад. Оно работает как универсальный эквивалент и позволяет экономить мыслительные усилия для поиска точного слова. У слова «фигня» функционал такой же, как у «истории». Вместо того чтобы сказать «дай мне ключа на 32», ты говоришь «дай мне эту фигню» и киваешь в сторону ключа. Дело не в том, что ты не знаешь, что эта фигня называется «ключ на 32», а в том, что «фигня» сказать проще. Это лень.

В каком-то смысле все штампы от лени, потому что они лежат на самой ближней полочке. «История» по сравнению с «фигнёй» — это такой более интеллигентский штамп... Хотя нет, скорее, всё-таки штамп менеджеров и клерков. Но им немножечко заразились многие по-настоящему умные, хорошо чувствующие слово люди — очень уж он прилипчивый.

«Ещё есть хипстерско-богемно-блогерское «примерно». «Сегодня меня бесит примерно всё». Человек признаётся в абсолютном чувстве, но тут же поднимает табличку: «Сарказм!». Я вижу в этом такое трусливо-пижонское кокетство. Но нельзя ведь бить людей за это по рукам.

— А ещё когда люди хотят снизить пафос в разговоре о чём-то важном, они пишут «простите» в скобках или публично извиняются за какое-то слово в устной речи. В Фейсбуке: «Это (простите за слово) великий американский роман». На лекции: «Наш сайт позиционирует себя — коллеги, простите за это ужасное слово — как просветительский».

— Да, это из той же серии. Из пула шаблонов, на которые возникла мода внутри определённого сообщества. Они рождаются за счёт смещения привычного значения нейтрального слова либо за счёт парадоксальной стыковки. Вот «примерно всё». В сущности, это стилистическая ошибка, которую люди совершают сознательно, превращая в приём.

— А что такое история в традиционном значении слова?

— История — это причинно-следственные связи. Я очень люблю Юрия АРАБОВА — и как философа больше, чем как сценариста. Мне нравится термин, который он предложил для описания драматургии любого рода — «механика судеб». Мы берём биографию человека и, глядя со стороны, понимаем, что к чему привело, как одно цеплялось за другое, видим роковую силу, которая движет судьбой, видим ошибки, которые человек совершает. Арабов разбирает, например, биографию ПУШКИНА, раскладывает её как сценарий. Когда ты придумываешь жизнь, а не анализируешь уже готовую, происходит обратный процесс: не деконструкция истории, а её конструирование.

Иногда смотришь на чью-то биографию и понимаешь, что если бы тот человек не встретил ту женщину, он прожил бы ещё двадцать лет, у него были бы дети, и ногу бы ему не отрезали. И тут есть, с одной стороны, судьба, которая сталкивает его с конкретной женщиной в конкретный день — человек не заказывал эту встречу. С другой стороны, это его решение — вляпаться в эту любовь. Ты и судьба — вы совместными усилиями шьёте историю.

Кто-то считает, что всё на совести высших сил, а ты просто фигурка, которую переставляют туда-сюда. Есть люди, которые вообще не верят в Бога, в автора мира, в режиссёра, в архитектора, а верят в то, что все беды и радости — результат их собственных действий. Мне кажется, и то и другое — правда.

Снять фильм, в котором нет ни одного удивительного совпадения и ни одного нерукотворного обстоятельства, очень сложно. Судьба, так или иначе, проникает даже в самое человекоцентричное кино.

— Как думаешь, в каких форматах сегодня интересно подавать человеческие истории в медиа? Иногда мне кажется, что чем больше журналистика будет схлопываться до коротких информационных текстов, тем у журналистов будет сильнее желание разговаривать, например, лонгридами, медиакнижками, визуальными историями, которые будут конкурировать с кино, театром, традиционным интервью.

— Многие сейчас делают тесты, которые привязаны к разным инфоповодам и которые интересно проходить. Или другие игрушки. Например, хит «Медузы» — гадание на Иосифе БРОДСКОМ. Простая классная идея.

В целом, люди хотят, чтобы у них всегда были и красная, и синяя таблетка — возможность выбирать и менять свой выбор так часто, как им этого захочется. Поэтому упарываться только за лонгриды или только за ультракороткие озорные новости в стиле пабликов ВКонтакте — одинаково бессмысленно. Нужно и то и другое.

А что касается вытеснения театра и кино новыми медиаформатами, по-моему, это утопия. Как похороны бумажных книжек. Сначала они состоялись, потом отменились. Я как раз читала недавно, что выросли продажи бумажных книг, а продажи электронных упали. Люди хотят, чтобы у них постоянно была возможность менять свои предпочтения. Право на чередование. В общем-то, они и в личной жизни, наверное, хотели бы того же самого, но кто же им даст!

— Мне понравилось, что на лекции ты сказала, что каждый из нас обречён на свой собственный русский язык. Уральский русский язык, домашний русский язык и так далее. Важно ли простому человеку в повседневной жизни настроить свой лингвистический слух и начать слышать разных людей, с разными историями? Не округлять их до понятных стереотипов.

— В этом есть огромная антифашистская польза, потому что чем меньше ты маркируешь людей, отказывая им в объёме и называя «хипстерами» или кем-то ещё, тем шире твой мир и тем слабее судейская интонация.

У меня был опыт — я приезжала в разные провинциальные театры и объясняла актёрам про вербатим. Они впервые о нём слышали. Мы делали упражнения, я рассказывала байки о том, как мы сочиняли документальные спектакли в разных городах. А дальше актёры отправлялись сами брать интервью. Поначалу некоторые протестовали. В труппе государственного театра обязательно есть консервативно настроенные пожилые актёры. Их нужно увлечь. Нужно превратить в миссионера, промоутера. Нужно убедить их в том, что всё это не бесовщина, а достойное дело. И это была настоящая победа, когда кто-нибудь из самодовольных и при этом глубоко обиженных на мир актёров вдруг втягивался.

Актёры приносили на репетицию текст и чувствовали себя важными. Не просто исполнителями, как обычно, а ещё и авторами. Мы придумывали спектакль вместе, и все актёры — и старые, и молодые — стали как дети в пионерском лагере, которым вручили классную игрушку, и они не могут наиграться. Потом, после всех наших опытов они говорили, что всё изменилось. Они теперь ездят в автобусе не просто так, они ежеминутно наблюдают. Они теперь слышат других людей, и им никогда не скучно.

Вербатим (слат. — «дословно») — это особая драматургическая техника, метод, в основе которого лежит интервью, но не журналистское. Как это работает? Творческая группа, например актёрская, выбирает тему спектакля и отправляется с диктофонами «в поле» — разговаривать с реальными людьми, чтобы перенести на сцену реальную речь, черты характера и даже обстоятельства жизни людей. Вербатим — это молодая техника, она используется с большим количеством вариантов.

Текст _ Валентина ЕФАНОВА
Фото _ Сергей ОСИН

СИБИРСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ
СИБИРИ

Великий Октябрь: чего мы не знаем про 1917 год

Если покопаться в памяти, каждый из нас найдёт среди своих знакомых историка-любителя, который настолько увлечён темой, проштудировал такой объём источников, что в пору защищать диссертацию. Откуда эта жажда — расследовать самому? И почему, стоит только чуть шагнуть за школьную программу, мы обнаруживаем, что не знаем почти ничего из отечественной истории или знаем всё совсем не так?

Разговор с доктором исторических наук Н.Н.СМИРНОВЫМ даёт возможность не только разобраться в загадках истории столетней давности, но и обсудить вопросы методические: как учить и как писать историю.

Директор Санкт-Петербургского института истории РАН Николай Смирнов приехал в Красноярск на Сибирский исторический форум. Его доклад был отчасти альтернативен основной тематике форума и посвящался революции 1917 года. С этого и начнём.

Сто лет назад

— Николай Николаевич, совсем скоро Россия отметит 100-летнюю годовщину революции 1917 года. С историей таких переломных эпох у нас совсем плохо. Например, изучение Первой мировой войны не приветствовали большевики, и много свидетельств, носителей информации о том времени навсегда утрачены. Про 1917 год было, наоборот, очень много написано, но с одной точки зрения. Что правдиво у большевиков, а что — у их оппонентов? Как бы вы оценили отечественную историографию об этом периоде?

— Проблема развития историографии, не только отечественной, но и зарубежной, в освоении уроков 1917 года необычайно сложная. И не потому, что мы полностью отказываемся от сделанного в советской историографии. Мы волей или неволей сегодня начинаем задавать вопросы, которые просто не могли быть заданы вчера или позавчера. Ведь когда советская историография складывалась, важно было показать, что есть определённый класс, который эту революцию готовил, совершал, привёл её к победе и впоследствии прошёл огромный путь в деле создания нового типа государственности. Любая попытка кого бы то ни было в предшествующий период показать другие группы, которые принимали участие в этих событиях, вызывала

возражение: да, эти группы участвовали, но не они определяли.

— Сейчас эту проблему пытаются осветить со всех сторон?

— В революционный процесс были вовлечены все. Рядом с рабочим классом находились те, чьё воздействие на революционные события уже в 1960-е годы признавали и назвали объективно: средние городские слои. Они так же, как рабочие промышленных предприятий, делали всё, чтобы монархия была низложена, чтобы началось создание нового государственного устройства России.

Но новому поколению исследователей недостаточно ни рабочего класса, ни средних слоёв, ни крестьянства. Они пытаются осмыслить воздействие всех групп населения на то, что происходило в России. И обратить внимание на факторы, мимо которых предшествующие поколения проходили. На форуме в Красноярске я говорил об одном из таких факторов — это роль союзников в том, что происходило в России.

— Помогли?

— И помогли, и активно мешали. Если бы союзники действовали более осмотрительно, чем тот прямой напор, к которому они прибегали, вполне возможно, развитие революционной ситуации шло бы по более спокойному пути. В частности, союзники породили целый ряд слухов, которые заставили общество оценивать действия той или иной политической группы с позиций, которые были навязаны союзниками.

Например, проблема возвращения русской политической эмиграции. Союзники совершенно чётко разделили её на желательные и нежелательные элементы. Желательные — это те, кто активно поддерживал союзников в их стремлении сохранить Россию как участника войны. Нежелательные — пацифисты, кто говорил, что Россия дальше воевать не может, она из войны должна выйти. И если первых отправляли обычным

порядком в Россию — сажали на пароходы и морским путём отправляли, к примеру, в Норвегию или Архангельск, то негодным говорилось: вы знаете, мы очень переживаем за то, как вы доберётесь до дома. Активность германских подводных лодок возросла, мы не можем взять на себя ответственность за вашу жизнь. Но мы не будем возражать, если вы проедете домой через территорию Германии.

Это породило слух о том, что русские эмигранты, отправившиеся на родину через территорию вражеского государства, — это те, кто был куплен и приехал на деньги немецкого правительства. Среди тех, кто попал под обстрел, первыми оказались большевики. ЛЕНИН — немецкий шпион. Он как раз считал, что дальнейшее участие в мировой войне чревато негативными последствиями для самой России. И кроме того, Ленин всегда говорил, что войну мировую надо превратить в войну гражданскую, чтобы решить те насущные проблемы, которые стояли перед российским обществом.

— А то, что деятельность большевиков финансировал немецкий генштаб для дестабилизации страны-противника — тоже неправда?

— Геннадий Леонтьевич СОБОЛЕВ, замечательный российский историк, две книги по поводу германского золота опубликовал, в которых приходит к единственному выводу: все доказательства основаны на фальсификации. Но он же замечает: документов, подтверждающих факт подкупа, нет, но никто не поручится, что они не будут найдены в будущем.

— Очень спорная тема. Начиная с того, что большевики не хотели мировой войны, но мечтали развязать гражданскую, которая, по сути, хуже — там убивают не врага, а собственный народ.

— Я не думаю, что когда Ленин говорил о перерастании войны империалистической в войну гражданскую, он предвидел ту Гражданскую войну, которая имела место быть в 1918-1922 годах.

С моей точки зрения, он предполагал, что противостояние одной части населения другой будет облечено в более цивилизованные формы. Он был уверен, что политику большевиков поддержат и рабочие, и крестьяне, а они составляли большинство населения. Но подобного исследования — как Ленин представлял себе Гражданскую войну — я не встречал.

— Неужели к этому можно отнестись объективно? Подсознательно каждый из нас до сих пор занимает ту или иную сторону.

— В решении этой проблемы нельзя руководствоваться эмоциями. Тема революции и Гражданской войны имела целый ряд негативных коннотаций именно потому, что исследователя захлестывали эмоции, он был убеждён, что права только одна сторона.

— То есть надо ещё лет сто подождать, чтобы судить беспристрастно?

— Не думаю. Уже сегодня появляются работы, в которых ситуация оценивается объективно. Плохо, когда Белое движение представляют как пушистое и шоколадное, а красное — как кровавое и мерзкое. И наоборот. В гражданской войне, которая идёт не на жизнь, а на смерть, так не бывает. И побеждает тот, кто отражает интересы подавляющей части населения.

Красные победили, с моей точки зрения, по одной простой причине: у них был лозунг: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем». Белое движение подобного лозунга не имело. Оно не видело конечной цели. Просто ликвидация большевиков — а ради чего? Что дальше? Возвращение к монархии? Белые сами понимали, что монархию не вернуть. Создание республиканского строя? Среди них не было единства по этому вопросу. В этом слабость Белого движения.

— Есть точка зрения, что весь XX век Россия пыталась приблизиться к показателям 1913 года. То есть страна была на подъёме, когда революция и Гражданская война подкосили её развитие.

— Не нужно делать вид, что большевики разрушили что-то в России. Большевики созидали. Те же индустриализация, коллективизация, культурная революция, имеющие массу недостатков в процессе их реализации, тем не менее подняли Россию на совершенно новый этап её развития, поставили в один ряд с развитыми европейскими государствами.

Что большевики получили к моменту прихода к власти? Разрушенную экономику. Разрушенную не ими, а Первой мировой войной, царским правительством. Временное правительство не смогло тот экономический хаос, в котором Россия оказалась к февралю 1917 года, приостановить и тем более указать какой-то выход. Большевики сумели предложить свой план.

Я категорически против того, когда говорят, что события октября 1917 года — это переворот, заговор. Это именно революция — смена одного общественно-политического строя другим. Скорее разговором следует называть февральские события, когда главным было — свергнуть монарха, непонятно ради достижения какой цели. И об этом некоторые исследователи сегодня пишут.

— Старшее и среднее поколения ещё изучали революционные события 1917 года в подробностях. Для более молодых имена МИЛЮКОВА, КРАСНОВА, КЕРЕНСКОГО ни о чём не говорят. Чем это чревато?

— Чревато. Нельзя впадать в историческую забывчивость и делать вид, что можно обращать внимание только на то, что нам приятно. Это позиция руководителей страны 90-х годов, когда открыто раздавались призывы: а давайте вычеркнем из истории события 1917 года! Сделаем вид, что их не было. И вообще вычеркнем историю СССР, сделаем вид, что её не было. А в школах будем изучать историю России до 1917 и после 1991-го. Эта лагуна дала о себе знать, и сейчас это осознанно и правительством, и исследователями. Неслучайно в новом образовательном стандарте, который был одобрен Отделением историко-филологических наук РАН, события 1917 года получили более чёткое определение — Великая русская революция.

От чего мы отказались

— Ваша докторская диссертация посвящена российскому учительству накануне и в период революции. Чем привлекла вас эта тема?

— Тем безобразием, которое у нас творится, когда берутся перестраивать образование. Так просто наломать дров, а исправить будет необы-

чайно сложно. Для меня в этом плане примером является деятельность последнего министра народного просвещения царского правительства Павла Николаевича ИГНАТЬЕВА. Он планировал проведение реформы в школах Российской империи и приступил к подготовке этих реформ в начале 1915 года. Изучал очень внимательно американский, немецкий, английский, французский опыт. И к концу 1916 года пришёл к выводу, что нельзя слепо заимствовать. Он был убеждён, что российская система народного образования самодостаточна. Негативных факторов реформирования к концу разработки проекта он видел гораздо больше, чем позитивных.

— Нам не хватает такого осторожного министра...

— Не хватает именно такого подхода к осуществлению реформ. У нас же просто: давайте скопируем болонскую систему, внедрим — и мы будем, как европейские государства, и дипломы такие же, и преподавание. А не получается. Потому что есть своя специфика в среднем, в высшем образовании. Эта специфика была перечёркнута. И что мы имеем в остатке?

Сегодня министерство образования и науки серьёзно говорит о том, что выпускники бакалавриата не могут работать преподавателями в школах. Они не имеют достаточного объёма полученных знаний. Тогда зачем стоило ломать специалитет?

— «

Мы всегда гордились тем, что выпускник нашего вуза — это специалист широкого профиля. В угоду непонятно чему мы теперь готовим специалистов узкого профиля. Хотя совершенно понятно, что они не решат проблем, которые стоят сейчас и будут ещё появляться.

— «

— Какие традиции российского просвещения сохраняются до сих пор, а от чего мы ушли — может быть, к сожалению?

— К сожалению, сегодня я не вижу стремления к эрудированности у молодых преподавателей. Многие замыкаются на минимальном объёме знаний. Любое общество всегда жило на передаче знаний от отца к сыну. А сегодня эта традиция нарушена: зачем я буду слушать человека, который не сумел адаптироваться к новым условиям?.. Молодые люди сегодня более прагматичны, и это их не обогащает, а обедняет.

— У вас есть статья про первые шаги советского просвещения в современной французской историографии. Почему французов это интересовало?

— Есть такой замечательный французский автор с русскими корнями Владимир БЕРЕЛОВИЧ, и в основном мои наблюдения сводятся к анализу тех публикаций, которые он делал. Он убедительно показывает, что советское просвещение не перечёркнуло всё предыдущее, но взяло из него наиболее ценное, а кроме того, привнесло новое. В частности, идею политехнизации школы. Мы её воспринимаем как данность, а для Европы эта идея была прорывом. И не только эта идея. По бригадному методу обучения эксперименты проводились в Германии, в Италии...

— Последние десятилетия у нас был период очень серьёзных реформ в образовании. Сейчас, с назначением нового министра, многие ожидают торможения этих реформ...

— Реформирование образования, с моей точки зрения, у нас как раз и не было. Были попытки перестроить нашу систему на западный лад, сделать как у них. Отсюда тот тупик, в который реформирование образования зашло.

Я не против того, чтобы детей обучали бальным танцам. Но я против, если это делается за счёт сокращения часов, выделяемых на литературу, русский язык, историю, географию, астрономию, которую вообще убрали из программы. Новый министр собирается её вернуть, но опять же — за счёт второго иностранного языка. Где логика?

— Не во многих школах есть второй иностранный.

— В том-то и дело. И это незнание реалий, с моей точки зрения, необычайно вредит нормальной работе министерства образования и науки.

История — что дышло?

— Насколько история реальная и та, которую мы учим в школе, не соответствуют друг другу?

— Я бы не сказал, что история, которая преподаётся, вымысел. Всё-таки авторы учебников достаточно объективно отражают процессы, которые переживало общество на том или ином этапе развития. Также плюсом я считаю решение, что не может быть единого учебника истории. Это правильно. Должно быть по крайней мере 2-3 варианта.

— Значит, одни дети будут знать одну историю, а другие — другую?

— Учебники разнятся немногим — на 85% они повторяются. А дальше многое зависит от преподавателя, он рекомендует. Предоставляется возможность выбрать ту подачу материала, которая кажется более убедительной.

— Есть такое выражение: историю пишут победители. Но есть и иное: побеждают те, кто навязывает свой вариант истории. Что вы об этом думаете?

— Думаю, историю должны писать специалисты.

— Но сейчас её переписывают. Скажем, на Украине.

— Я знаю украинских коллег, которые пишут современные учебники истории, встречался с ними на конференциях, участвовал в дискуссиях. Они были вполне адекватные люди. Изменились условия, социальный заказ. И то, что считалось чёрным, и все были согласны, что это чёрное, вдруг сегодня объявляется белым. И люди вынуждены это осознать, читать, соглашаться... Я не могу этого объяснить.

Но что мы говорим об Украине, Латвии, Эстонии — давайте о России. Мы прекрасно помним начало 90-х. Время, когда историки кардинально меняли свои позиции — тоже потому, что изменилась конъюнктура.

— Насколько наши историки присутствуют в международном контексте? Такое чувство, что мы пишем историю сами для себя, а во всём мире оценки уже вынесены, при этом наш голос не учитывается.

— Это не так, и я знаю это на опыте работы нашего института. Мы провели уже 11 крупных международных научных коллоквиумов, посвящённых истории России. Для участия в них мы приглашаем славистов из США, Англии, Франции, Италии, Японии, Китая, Финляндии, Швеции и т.д. И находим общий язык. Мало того, те, кто начинал эту совместную работу, сегодня везут своих учеников. Да, мы дискутируем, иногда придерживаемся различных точек зрения, но это не мешает нам находиться в одном исследовательском кругу, обмениваться мнениями, способствует тому, что они — или мы — понимаем своё заблуждение. Мы вписаны в контекст мировой исторической науки и отнюдь не являемся там париями.

— Тем не менее в восприятии России ничего не меняется. Как были мы империей зла, так и остались.

— О том, что Россия — империя зла, кричит не научная общественность. Такие суждения поощряются правительствами, есть ассигнования на то, чтобы эту линию проводить и вбивать её в головы... Но я знаю массу западных исследователей, которые от этого отмежевываются.

— А если освещение того или иного исторического периода может принести вред национальным интересам (как книги Солженицына, например), то какую позицию следует занимать исследователю?

— Пример с Солженицыным, с одной стороны, имеет право на существование, но всё-таки для специалиста он не убедительный. «Архипелаг ГУЛАГ» — не историческое знание, а художественное произведение. Это исключительно авторское гипертрофированное переживание. Недовольство Солженицына тем, свидетелем чего он стал, достигло таких размеров, что уже правда от неправды не отличалась.

Один делает так, как Солженицын, другой — как делал Борис ПАСТЕРНАК, описывая историю доктора Живаго, разница есть. Но и та, и другая интерпретация имеет право на существование. И читатель имеет полное право решить, насколько убедителен тот или другой взгляд.

(Полный текст — в электронной версии газеты)

Текст _ Алевтина СПЕРАНСКАЯ

Любовь и школа: как преподавать родной язык

За всё это долгое время понимание основных принципов преподавания в целом сложилось, так как о методике не прекращала думать с того самого первого дня, когда готовилась войти в класс учителем, или, как написано у меня в трудовой книжке, «учительницей» русского языка и литературы. Причина ещё и в том, что веду у филологов дисциплину «Методика преподавания русского языка в школе». По-другому — школьная лингводидактика: обучение языку в школе. В результате я пришла к выводу, что хороших отечественных методик школьного преподавания у нас достаточно. Можно сказать, целые залежи, просто месторождения полезных и действенных теорий и практик.

Почему же в нашей современной школе не сверкают бриллиантами россыпи плодотворных методических идей и преподавание самого важного предмета — родного языка — продолжает быть скучным? Отвечу на этот вопрос, извлекая уроки из своего опыта и опыта тех, чьи результаты меня впечатлили.

Урок первый.

Всё начинается с любви...

Два человека глобально повлияли на мои методические взгляды — Ян Амос КОМЕНСКИЙ и Михаил Викторович ПАНОВ. Это не считая других гениев методики и педагогики — Я. КОРЧАКА, А.С. МАКАРЕНКО, Ш.А. АМОНАШВИЛИ, Ю.Б. ГИППЕНРЕЙТЕР и др. А мечты мои о продуманном преподавании воплотились в рассказах и воспо-

минаниях о гимназии Карла Ивановича МАЯ.

Великий дидакт всех времён и народов Ян Амос Коменский в середине XVII века сформулировал правила школьного обучения, которые до сих пор действуют в современном преподавании. Более того, без них, этих общих и частных принципов дидактики, то есть науки обучать, не сможет функционировать ни одна школа. Потому что ориентировался Я.А. Коменский не на сиюминутную ситуацию, а на общие принципы познания действительности юным гражданином. Так вот, девиз Коменского: сперва любить, потом — учить. Его «среднее» имя — Амос — создано им самим и отсылает к латинскому корню «amare».

Начинать говорить о преподавании нужно с трёх крепко спаянных «компонентов»: учитель — содержание обучения — ученик. Но что взять за основу? Вопрос для меня почти риторический. Конечно, учителя. От него зависит, как он передаст содержание ученикам и как будет к ним относиться. Д.И. МЕНДЕЛЕЕВ писал: «Если хотите от гимназии хороших результатов для всего просвещения России, прежде всего и больше всего заботьтесь о подготовке наилучших учителей для гимназии». Мне нечего добавить к этим словам.

Из всех дидактических принципов во главу угла я ставлю любовь. Настоящий учитель тот, кто: 1) любит преподавание, 2) любит (а значит, и знает) свой предмет и 3) любит своих учеников. Девиз Коменского нужно сделать главным дидактическим принципом всех школ. Поверьте, она приносит великолепные плоды.

В этом можно убедиться, взяв книгу «Школа на Васильевском» (авторы Д.С. ЛИХАЧЁВ,

В школе я преподавала четыре года. Два года были связаны с деревенской школой — обязательная работа по распределению после окончания вуза. И два года провела в базовой экспериментальной средней школе № 106 (сейчас гимназия № 1 «Универс»). Всё остальное время связь со школьным преподаванием держится через студентов, которым преподаю методику ведения уроков по русскому языку и готовлю к педагогической практике; через учителей, которых консультирую; через родителей, которых утешаю, объясняю, что есть что в школьной лингводидактике. Со школьниками продолжаю работать — на выездных школах, мастер-классах, на курсах и пр.

Н.В. БЛАГОВО и Е.Б. БЕЛОДУБРОВСКИЙ) о гимназии Карла Мая. Количество учеников, окончивших эту школу и ставших видными людьми своего времени, просто колоссально! Такой результат не мог быть случайностью. Плоды принесло грамотное преподавание, которое на конкретных деталях рассмотрено в книге. И не следует жаловаться, что у них, мол, всё было по-другому: не висел домокловым мечом ЕГЭ, не было столько бумаг и писанины, ритм жизни не так подгонял... Были и у них экзамены. Были и горы бумаг: они писали развёрнутые характеристики на каждого ученика каждую четверть. И ритм их жизни им казался стремительным. Одно неизменно — много, очень много зависит от учителя. Ведь «Школа на Васильевском» — это только один пример! Наиболее наглядный и оттого убедительный. У вас есть возможность вспомнить своих любимых учителей и понять, как можно и нужно преподавать в школе. Каждый думающий учитель ищет и находит те принципы, которые позволяют ученикам любить и знать предмет.

Урок второй. «Хочу всё знать!»

Был такой научно-популярный киножурнал для школьников. Но его охотно смотрели все. Начинался он мультипликационной заставкой: «Орешек знаний твёрд, но всё же мы не привыкли отступать. Нам расколоть его нужно может киножурнал «Хочу всё знать!». Вот это желание — знать как можно больше в своём предмете и смежных с ним — очень ценно для любого, кто выбрал путь преподавания.

Современному учителю, на мой взгляд, не хватает знаний. Я говорю не о методических знаниях, а о знании предмета. Как раз методические пособия учитель изучает регулярно. Только они бывают разные. Плохо, если методика объясняет лишь темы из школьного учебника. Прикладывать методику надо не к узкому набору учебных сведений о русском языке, а ко всему накопленному объёму знаний о языке и речи.

Учитель-словесник — человек, постоянно читающий. От этой привычки у него появляются возможность заинтересовать ученика увлекательными примерами, любопытными аналогиями, парадоксальными сопоставлениями, выразительными параллелями, убедительными объяснениями — всё это предоставляет наш язык! Конечно, школа нацелена на «правильнописание», на так называемый орфографоцентризм, когда всё знание родного языка сводится к орфографии. Однако изучение правил не связано со скукой! Таким его делает учитель, который не вышел за границы учебника. Учебник — книга для ученика, учитель должен знать больше, чем сказано в учебнике.

Одно время М.В. Панов, великий учёный-лингвист и фантастический учитель и методист, преподавал в школе. Те, кто у него учился, вспоминают, что уроки русского языка были самыми интересными. Михаил Викторович весело, легко, без нудной дидактики рассказывал о грамматике и стилистике, исключениях из правил и прочих каверзах. «Злополучный «винегрет», где всегда переставляются гласные. Объяснение учителя: запомните, это от французского *vin aigre* («вин» и «эгре», старое вино) — «уксус». И это запоминается навсегда», — приводит пример ученица М.В. Панова. Его классы знали начала древнерусского языка и этимологию многих слов, могли написать эти слова с юсами, ерами и прочими интересными знаками (то же самое делала я в 106 школе с пятиклассниками). Панов завораживал учеников и студентов своими знаниями и желанием учить, объяснять, разъяснять, прояснять.

Урок третий. Любить ученика

Относительно же любви к ученику — это сложная сфера не столько горячих сердечных чувств, сколько гуманного отношения к человеку вообще и к школьнику в частности. Выражается такая любовь в сотнях мелких проявлений со стороны учителя: отсутствие бытовой раздражительности (ну нет же ничего криминального в том, что ученик забыл дома тетрадь, ручку, дневник, учебник), внимание к интересам ученика, умение перевести конфликт в конструктивное русло.

Меня в своё время поразила встреча сначала с книгами Ш.А. АМОНАШВИЛИ, а затем и с самим автором, который написал о ГУМАННОЙ педагогике. Обычную, точнее привычную многим из нас педагогику он обозначил, таким образом, как негуманную. И много правдивого в этих словах. Стали притчей во языцех рассказы о вечно недовольных раздражительных учителях, которые свою досаду обрушивают на тех, кто под рукой ежедневно — на учеников. Думаю, А.С. МАКАРЕНКО было гораздо сложнее, чем нам, так как он работал в колонии пусть и несовершеннолетних, но не маленьких в общем-то правонарушителей. Но он сказал: «Я исповедую бесконечную уверенность в неограниченном могуществе воспитательной работы». И сделал! Он превратил людей, выброшенных на обочину социальной жизни, в коллектив, живущий полноценной жизнью, — работали, учились, ставили спектакли. Потому что было у Макаренко желание сделать из своих воспитанников «человеческую личность», как он

пишет. Отчаяние, конечно, приходило, и руки опускались в какой-то момент. Однако общая установка сохранялась — вера в развитие ребёнка.

Я не думаю, что возможно перенесение опыта Макаренко в современные условия. Его методы сработали там и тогда. Но некоторые педагогические и технологические приёмы очень действенны. Например, Макаренко отказывался читать дела, которые заводили на его воспитанников правоохранительные органы перед тем, как приставить нарушителя в колонию. Макаренко считал, что перед ним не преступник, а человек, таков, каков он есть, надо с ним и иметь дело.

Помню, когда я пришла в 106-ю школу, мне сразу выразили «сочувствие»: не повезло, дескать, не класс, а болото. Хотя и подбодрили: но звёздочки там есть. Какая жалкая «терминология». Какие принижающие человека оценки: троечник, неуспевающий. Надо ли говорить, что мой класс был интересным, ученики — работающими и понимающими в меру своих сил. Сочинения по русскому языку, которые я задавала, оценивались всегда высокой отметкой за содержание, потому что, как правило, в них всегда была мысль, попытка мыслить, а это ценно. И никогда не задавалась одна-единственная тема: мы могли переформулировать её, найдя такой ракурс, который был понятен и приемлем для каждого конкретного ученика. Когда мы работали в классе, то ученики могли спросить учителя о правописании любого слова и о постановке любой запятой. Я огорчалась, если ошибка сделана в классе: «Почему ты у меня не спросил, как надо писать? Я же была здесь, я тебе могла помочь».

С «Мастером и Маргаритой» мои ученики познакомились в шестом классе. Пока не со всей книгой. Это был тот самый знаменитый отрывок, в котором «Не шалю, никого не трогаю, починяю примус, — недружелюбно насупившись, проговорил кот, — и ещё считаю долгом предупредить, что кот древнее и неприкосновенное животное». Такие мы писали диктанты. Их не было в методических рекомендациях. Но они были в моём представлении, каким должен быть диктант по русскому языку — интересным, захватывающим, стилистически безупречным и обязательно цельным, то есть когда писателя не корректируют и подписывают «по Булгакову».

Откуда мне было брать методический опыт? Очень хотелось научиться на чужом положительном примере. И таких книг прочитано было немало. Надолго любимой стала «Школа на Васильевском». Полностью разделяю высказанные там мысли о перегрузке учеников: «Обилие домашних заданий никогда не поднимает уровня знаний, зато крайне утомительно» и др.

«С ученика, сидящего в школе и дома 7–8 часов в день, нельзя требовать интереса к умственным занятиям». «Средний ученик, если он не лентяй, тупеет, и тупеет тем скорее, чем строже у него родители». «В идеальной школе ничего на дом не задаётся. Весь учебный материал должен усваиваться в классе». «Гораздо важнее наличие посторонних интересов (театры, концерты, ручной труд, ремёсла)».

Книги из аптечки скорой лингводидактической помощи — что поможет в случае острой методической и лингвистической недостаточности:

- ➔ Иванов В.В., Потиха З.А. Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе. М., 1985.
- ➔ Панов М.В. Занимательная орфография. М., 1984*.
- ➔ Милославский И.Г. Зачем нужна грамматика? М., 2000.
- ➔ Булохов В.Я. 100 разновидностей диктанта. Красноярск, 1994.
- ➔ Энциклопедический словарь юного лингвиста. М., 2006.
- Уже дополнительно:
 - ➔ Граник Г.Г., Бондаренко С.М., Концевая Л.А. Секреты орфографии. М., 1991.
 - ➔ Милославский И.Г. Как разобрать и собрать слово. М., 1993.

Урок четвёртый. Русский как иностранный или всё же как родной?

Какому языку мы учим на уроках русского языка? Ответ пока такой — не родному. Потому что обилие грамматических сведений, которые торопливо предлагают запомнить ученику, ничему другому в своей массе не способствуют, как пониманию формального устройства языка. Вспомните, как вы начинали учить иностранный язык? Та же схема. Грамматика — совокупность правил об изменении слов и сочетании слов в предложении.

Но человек осваивает грамматику родного языка в очень юном возрасте, к тому времени, когда он без грубых ошибок начинает говорить. Зачем нужны сведения о склонении? Ребёнок всегда правильно просклоняет слово «конь», «стол», «доска», «путь». И сделает это интуитивно. Только ответив на вопрос «зачем нужна грамматика школьнику?», можно с уверенностью её преподавать. Учителя же часто делают наоборот — сначала учат, а поймёт ученик, зачем он это делает или не поймёт, дескать, не важно. Надо учить, и всё тут! Чтоб окончания правильно писать, в конце концов! Вот в том-то и дело, что это в конце. А в начале...

В начале было слово. Наблюдение над словом. Словом, которое не живёт в языке одиноко, само по себе, а вступает во взаимодействие со своими сородичами. Слова объединяются в группы — в зависимости от признака в разные группы. Об одном слове можно рассказать много и извлечь из него много полезного, если придёт необходимость его произнести или написать.

Например, вопрос о стакане чаю. Или чая? Как правильно? Это грамматика родительного падежа. Проводить каникулы в Назарово. Или Назарове? Предложный падеж. А если пишешь в тетради, то пища... Хотя нет такого деепричастия «пища». А почему? Оказывается, есть масса конкретных случаев, когда знание грамматики родного языка помогает говорить и писать на этом языке гораздо лучше. Потому что приходится думать, выбирать. Но ситуация выбора вообще в школе не обсуждается!

Чтобы мои школьники имели представление о том, как слово существует в живой разговорной речи и в тексте, я предложила им организовать Институт изучения человека. И начать с речи. Да что наша жизнь в целом, как не изучение и постижение человека! И что такое наша речь, если не способность выражать словами свою мысль, способность, которую можно совершенствовать на протяжении всей жизни. Никогда нельзя сказать, что вот сейчас я окончательно овладел способностью производить те или иные тексты на родном языке. Всегда остаётся возможность её усовершенствовать.

Грамматика должна изучаться только в тексте! На современных примерах, а не на предложениях, выщипанных из великого русского классического наследия. Классиков надо читать в подлиннике. В крайнем случае — в достаточно осмысленных отрывках. И затем из анализа реального словоупотребления вытекает необходимость привлекать грамматические сведения, чтобы объяснить, какое средство использовал автор для выражения мысли. И можно ли эту мысль передать по-другому для другой цели. Вот, оказывается, зачем нужна грамматика. Не только школьнику, но и любому современному человеку.

Реплика на тему «Как учить русскому языку в школе?»

Максим Анисимович КРОНГАУЗ, доктор филологических наук, профессор:

— Мне кажется, что одна из главных задач в области преподавания русского языка состоит в том, чтобы заменить главного героя. И в двадцатом веке, и в двадцать первом преподавание русского языка словоцентрично. В центре правил и вообще описания языка в учебнике всегда находится слово. Иногда появляется предложение, например в разделе, посвящённом пунктуации, или в качестве иллюстраций. Но почти никогда авторы учебников не обращаются к текстам, в лучшем случае только к фрагментам текста. Именно поэтому ученики не умеют работать с текстом, и сегодня это, пожалуй, самая большая проблема.

Конечно, подбирать тексты для учебника очень трудно, ведь нужны прежде всего короткие и насыщенные нужными явлениями тексты, а таких мало, а иногда просто нет. Но это не отменяет общей направленности: преподавание должно стать текстоцентричным, и уже от текста надо переходить к слову.

Из этого вытекает ещё одно важное следствие. Учебник с текстами интереснее, чем учебник без текстов. Учебник с текстами можно просто раскрыть и читать, а вот стандартный учебник по русскому языку для чтения в прямом смысле слова не предназначен. Он предназначен для «работы с ним».

Текст _ Светлана БАШКОВА

Мы занимаемся прикладной фантастикой

10 лет назад одно из ведущих предприятий космической отрасли России и одно из самых успешных в Красноярском крае — «Информационные спутниковые системы им. М.Ф. Решетнёва» — возглавил Николай Алексеевич ТЕСТОЕДОВ. Тогда ему исполнилось 55 лет. Говорить с этим человеком — всё равно что смотреть в будущее. И будущее это вдохновляет. Потому что, как говорит сам гендиректор, «трагичность — это вообще не инженерный критерий».

Рискует в казино

— Николай Алексеевич, 10 лет назад как прошло ваше назначение на должность гендиректора? Были ли у вас сомнения? Вы абсолютно точно представляли, в чём будет заключаться ваша работа, или что-то стало открытием?

— Десять лет назад я возглавлял дочернее предприятие — «НПО ПМ-Развитие». Оно занималось производством наземных антенн для обеспечения спутниковой связи и телевидения. И когда заканчивался контракт с Альбертом Гавриловичем КОЗЛОВЫМ (предыдущий руководитель решетнёвской фирмы — ред.), несколько человек с предприятия — независимо друг от друга — предложили мне участвовать в конкурсе на эту должность. Я съездил в Москву, представился руководителю «Роскосмоса» Анатолию Николаевичу ПЕРМИНОВУ. Точно так же самозаявлением попал на приём тогда к первому заместителю губернатора Красноярского края Льву Александровичу КУЗНЕЦОВУ. И он сказал, что будет поддерживать мою кандидатуру наравне с другими на усмотрение Российского космического агентства. Это была формальная сторона.

А в отношении тех работ, которые предстояли, то здесь вопрос очень сложный. Дело в том, что мы все вышли из социализма. И весь топ-менеджмент «НПО ПМ» был абсолютно, стопроцентно компетентен в технических вопросах, но недостаточно грамотен в вопросах рыночной экономики. А это как раз то, чем я занимался предыдущие десять лет, являясь директором дочернего предприятия.

Поскольку был определённый кризис на предприятии — объём производства сокращался в деньгах примерно на 10 процентов в год, вдобавок десятипроцентная инфляция, и предприятие неумолимо сжималось по заказам и по численности — мне было понятно, в соответствии с рыночными принципами, чем заниматься: получением заказов.

Задачи были, особенно на первом этапе, более менеджерские, коммерческие, структурные, нежели технические. За несколько предыдущих лет до моего назначения в «НПО ПМ» были упущены несколько важнейших направлений. Например, коммерческий космос.

— Есть, наверное, основные принципы руководства. Но если говорить о таком современном

предприятии, как ваше (крупном, наукоёмком, имеющем множество партнёров) — что главное для руководителя?

— Возьмите десять достаточно грамотных людей и задайте этот вопрос — получите десять разных ответов. Потому что принципы руководства и по подходу, и по набору, и по акцентам индивидуальные.

Конечно, в условиях, когда падало производство и сокращалась численность, основной принцип был — сохранить предприятие. Оно и было сохранено Альбертом Гавриловичем Козловым, потому моя задача состояла в том, чтобы сразу, резко повысить объём, значимость, заказы, денежный поток и так далее. Главное было — обеспечить предприятие заказами. Вне зависимости от того, абсолютно ли точно они соответствуют тематике.

В принципе, это получилось, потому что при объёме 2005 года в 3,2 миллиарда рублей в 2006 году он уже был 4,6 миллиарда рублей.

Этот этап был пройден достаточно быстро, во многом потому, что у меня не было груза каких-либо устоявшихся отношений — негативных, позитивных, иных — с разными заказчиками, с разными людьми. В этом плане я начинал с чистого листа. С каждым из заказчиков мы разговаривали при встрече в первый раз. Мы не были обременены предыдущими неудачами.

— У «ИСС им. М.Ф. Решетнёва» много наград, в том числе за динамичное развитие. А что для предприятия — развитие и каковы его риски?

— Говоря о предприятии, на котором работают много людей, у которых есть семьи, которые живут в Сибири, в закрытом городе, где нет другой работы, очень аккуратно нужно употреблять понятие «риски». Это не казино, здесь нельзя ставить на что-то, что либо вознесёт тебя к небесам, либо ты проиграл. Это ты можешь сделать лично. Это нельзя делать с предприятием.

Поэтому динамичное развитие — это в первую очередь возрождение заказов. Когда в аэрокосмической отрасли пошло увеличение спроса и по направлениям основных заказчиков («Роскосмоса» и Минобороны), и по коммерческому направлению, не все предприятия отрасли этим воспользовались, но мы смогли. Мы резко увеличили заказы. Мы перестали рассуждать по принципу «это наше дело, это — не наше» и очень резко увеличили объём и набор услуг,

которые мы предоставляем заказчикам. И это оказалось очень важно. Мы перестали говорить «ах, это невыгодно, мы этим не будем заниматься». Мы начали работать с проектами с нулевой рентабельностью, а по пионерским проектам — даже с отрицательной. Всё для того, чтобы прорваться на новые рынки и в новое качество, и это получилось.

Поэтому риски для предприятия, по крайней мере, в моём представлении и в период, когда я руковожу им, должны быть сведены к минимуму. И неважно, технические это риски, коммерческие или менеджерские. Они могут быть ровно настолько, насколько не повлияют на поступательное развитие предприятия.

«
На предприятии, в котором когда-то было 5300 человек, а сейчас 8500, нельзя рисковать людьми. С каждым вынужденным риском обязательно должны просчитываться все возможные последствия, чтобы не причинить предприятию какого-то серьёзного ущерба.

«
— В работе самых успешных производств бывают и неудачи. Например, по сообщениям СМИ, в прошлом году «умер» AMOS-5, созданный вашим предприятием по заказу израильской Srascom. Как разбираются такие случаи? И что всё-таки чаще является их причиной: технические недоработки, человеческий фактор или непредсказуемость космоса? Есть какая-то постоянная величина таких неудач, или их становится меньше (больше)?

— Неудачи есть у всех предприятий. Не у многих, не у некоторых — у всех. Я не могу назвать ни одного предприятия в мире в аэрокосмической отрасли, неважно, американский это Boeing, европейский Airbus, китайское космическое агентство, индийская ISRO или что-то ещё, которые не имели бы неудач.

Вероятность безотказной работы (есть такой технический термин) и ракет, и спутников всегда достаточно далека от единицы: она составляет от 0,7 до 0,85. При этом надо отметить, что большая часть наших работ, причём существенно большая, это не серийное производство, это опытно-конструкторские работы. А они по определению не обязательно обречены на успех. Опытные-конструкторские работы имеют право и на неудачу.

Другое дело, что у нас неудачи обычно не происходят благодаря тщательным научно-исследовательским и другим предварительным работам. Но неудачи бывают у всех. И случай со спутником AMOS-5 очень яркий.

AMOS-5 был первым спутником принципиально новой линейки аппаратов нашего предприятия — космических аппаратов негерметичного исполнения.

Прежде основные приборы наших спутников находились в герметичном контейнере. Из-за недостаточной устойчивости компонентной базы отечественного производства к воздействию факторов космического пространства (термоциклирование, температура, радиация, тяжёлые частицы) созданные с её применением приборы мы размещали в контейнере. Это означало, что возникали другие риски: потери герметичности, отказа систем, которые обеспечивают воздухообмен в контейнере. Кроме того, ухудшается соотношение приборов полезной нагрузки по отношению к общей массе аппарата.

Со спутника AMOS-5 мы перешли к аппаратам негерметичного исполнения. Это значит, новая элементная база, новые приборы, новая стойкость покрытий, элементов, узлов к факторам космического пространства. И новая долговечность, пятнадцатилетний срок активного существования. До него самым долговечным аппаратом, который мы делали, по срокам существования был Sesat, рассчитанный на 10 лет (он их переработал и продолжает успешно служить на орбите уже 17-й год — ред.).

Это означает, что вся электронная компонентная база, весь ресурс механических систем, вся степень деградации фотопреобразователей и покрытий, количество и расход рабочего тела для удержания спутника на орбите рассчитываются на другие параметры. Каждый элемент, каждый узел, каждая система, каждый материал обязательно проверяется и квалифицируется на Земле в условиях факторов, приближенных к космическому пространству.

AMOS ознаменовал собой появление новой серии спутников. Это был не экспериментальный, а лётный аппарат. И он успешно отработал почти пять лет. В ходе работы над этим аппаратом и последующими мы фактически создали новую линейку и аппаратов более лёгких, таких как «Экспресс-АТ2», и более тяжёлых — как «Экспресс-АМ5». Тем самым мы вошли на новый рынок.

Вероятность неудач с каждым последующим аппаратом существенно уменьшается. Например, если на первых аппаратах «Глонасс-М» число отказов, неисправностей по какому-либо системам на один аппарат составляло 3,8 единицы (у спутников, конечно, резервированные системы и они всё равно продолжают работать), то на последних аппаратах это 0,3. То есть, мы в 10-13 раз получаем меньше отказов на серийной продукции по отношению к первой. А AMOS-5 был первым.

Любая неудача — это повод для исследований. В ходе этих исследований возникают новые технические идеи, и это существенно повышает надёжность исследуемого аппарата, конкретных систем или приборов. К сожалению, мы здесь учимся на своих ошибках. Другого варианта нет, потому что все наши аппараты индивидуальны, и нам не у кого получить опыт.

Как решать нерешаемые задачи

— Введённые против нашей страны санкции были направлены и против ракетно-космической промышленности. Дало ли это шанс найти другие технические решения? И если вы достигнете 100-процентного импортозамещения — будет ли ваша продукция интересна зарубежным партнёрам (ведь кооперация, участие разных стран — это в определённой степени гарантия не попасть в зависимость, в данном случае от России)?

— Отвечу с конца. Наша продукция будет интересна зарубежным партнёрам ровно настолько, насколько она будет соответствовать самым передовым техническим характеристикам по функционалу, надёжности, срокам изготовления, цене и так далее.

Санкции же имеют двойное значение. С одной стороны, это более длительное изготовление ряда космических аппаратов. Тех, которые были спроектированы в основном или в значительной степени на зарубежной электронной компонентной базе, попавшей под санкции. И поэтому в России предприняты все необходимые шаги для импортозамещения с необходимыми техническими характеристиками.

Достигнуть стопроцентного импортозамещения можно, но тогда маловероятно, что аппараты будут соответствовать самому передовому мировому уровню. Потому что процесс формирования новых элементов, приборов, решений в нашей отрасли не является моментом национальным. Космос — очень интернациональная среда, и если (а так обычно и бывает) в Америке, в Европе, в России, в Китае появилось какое-то новое, передовое по отношению к существующим решение — не важно, в приборе, в элементе, в системе — то иногда проще бывает купить, чем разрабатывать самим.

Но интересы национальной безопасности, а также интересы России в условиях санкций означают, что мы должны пойти на необходимое импортозамещение.

Необязательна замена санкционных элементов один в один, потому что многие технологии требуют слишком долгого времени для освоения. Зато, допустим, всегда можно одну программно-логическую интегральную схему заменить, например, на четыре-пять больших матричных кристаллов, которые в совокупности дадут ту же функцию. Да, вместо одного элемента мы получим плату, спутник будет чуть тяжелее по весу, но заданная характеристика будет выполнена полностью.

Это не лучший путь, поэтому сегодня рассматриваются и другие. В первую очередь импортозамещение без снижения характеристик ЭКБ, во-вторых — замена на доступную зарубежную электронную компонентную базу, в-третьих — изменение схемных решений.

Таким образом, в целом сегодня санкции, отодвинув на два-три года изготовление ряда приборов, ряда спутников и ряда группировок, тем не менее дают мощнейший стимул для создания собственной электронной промышленности космического применения. И в дальнейшем это даёт положительный эффект: как эффект независимости, так и эффект цены.

— В ИСС завершается изготовление системы теплозащиты для космической обсерватории, которую вы готовите по заказу Академии наук. То есть не только учёные для вас что-то делают, но и вы для них выполняете заказы. Как часто? Такие заказы штучные или они потом находят применение в производстве спутников?

— Для космической обсерватории мы делаем не только систему теплозащиты, это тот этап, который происходит сегодня. На самом деле мы работаем над сложнейшей задачей, которую ещё никто не решал ни в России, ни в мире — это создание развёртываемой антенны диаметром около 10 метров с точностью, если брать среднее квадратическое отклонение, 10 микрон.

— «

Сегодня — это нерешаемая задача на Земле. Её нельзя решить «в лоб», потому что даже если мы сделаем такую точную характеристику, в процессе выведения космического аппарата на орбиту она изменится. Значит, нужна орбитальная юстировка, соответственно, нужны элементы, которые позволяют такую юстировку сделать. Необходимо создавать системы обратной связи, измерений, системы диагностики, систему реакции на нагрев Солнца, Луны, на тепловые потоки. И это тоже невозможно сделать в космосе, потому что слишком сильны тепловые воздействия, поэтому неслучайно мы пошли в новую для нас область — область криогеники в условиях гелиевых температур.

»

Мы на испытаниях на Земле работаем в условиях азотных температур, это –196 градусов Цельсия, температура кипения азота. Но для данной космической обсерватории нам потребовалось создать гелиевые условия, это 4 градуса Кельвина, значит, при испарении гелия. Задача архисложная, но мы понимаем, как её решать — принципиальные, теоретические пути решения понятны. И вот упомянутая здесь система теплозащиты — это просто один не самый большой шаг на этом пути.

— «

Другое дело, что мы идём абсолютно по переднему фронту мировых научно-технологических достижений в этой области. И мы сегодня достигли того результата, которого только позволяют достичь мировые технологии, и в области гелио-криогеники, и в области материалов, и в области точности.

— «

Здесь каждый шаг слишком много значит для учёных, поэтому, я думаю, что мы вместе с ними поймём в конце этого пути, а это будет через несколько лет, чего мы сможем добиться и что даст тот инструмент, который мы вместе с ними создадим.

Подарите партнёров

— Знакомьтесь с тем, что делает ИСС, понимаете, что где-то это вещи — фантастические. А что и в какой области удивляет вас, что кажется фантастическим?

— Я помню, что ещё лет, наверное, 30 назад предполагалось сделать некий царь-спутник, который будет весить 20 тонн и у которого будет 40 телекоммуникационных транспондеров. А сегодня такую задачу решает спутник весом полторы тонны. И тогда, 30 лет назад, вообразить, что 40 транспондеров — это полторы тонны, была невозможная фантастика. Но развитие электронной компонентной базы, новые материалы многое делают реальностью.

Для нас сегодня наиболее близкой фантастикой является космическая обсерватория «Миллиметр», потому что те параметры, которые заданы сегодня — фантастические для российской и мировой космонавтики, они пока недостижимы. Но понятны пути достижения.

По рабочим частотам для нас фантастика — это высокие частоты передачи, и мы сегодня освоили диапазоны вплоть до 30, 43-45 ГГц, но впереди 60, 80, 100, и учёные говорят уже о терагерцах, о лазерных системах связи, передачи информации. И это уже не фантастика, это ближайшее будущее.

— Есть ли что-то, кроме космоса, где вы хотели бы реализовать себя ещё?

— Нет.

— Какой подарок вы бы себе пожелали на юбилей?

— Честно говоря, личных подарков мне бы не хотелось, но понятно, что мы говорим не об этом. А если бы меня спросили как гендиректора — какой подарок — я пожелал бы себе хорошей кооперации. Потому что основные проблемы не в нашем предприятии, не в нашей технике, а в том, что у нас слишком неравнопрочная система предприятий, которые участвуют в космической деятельности. Сегодня не хочется оперировать цифрами о том, кто, что и как не сделал. Но вот для спокойствия и развития предприятия, что и является неким фильтром личного спокойствия, я бы пожелал себе в качестве подарка самое лучшее развитие всех предприятий нашей кооперации и исполнение ими обязательств. Как следствие — наше исполнение наших обязательств. Наверное, это был бы лучший подарок.

Текст _ Александра КАЗАНЦЕВА

Только мы договорились с директором Центра социальных программ (ЦСП) РУСАЛа Анастасией САВЕЛЬЕВОЙ об интервью, как она написала в Фэйсбуке: вот и всё, сегодня мой последний день в качестве директора ЦСП. Столь стремительные перемены, как выяснилось, вполне в её духе.

И всё же мы встретились, чтобы выяснить, как выпускница психолого-педагогического факультета КГУ перевернула отношение общества к социальным проектам, почему централизованный менеджмент уходит, для чего студентам нужно учиться писать эссе и многое другое.

«Я поняла, что люди – разные, не должны быть похожи на тебя. Для меня это прямо открытием стало»

Анастасия САВЕЛЬЕВА: «Хочу работать в ООН!»

– Анастасия, увольнение из ЦСП – решение обдуманное или спонтанное?

– Мы с мужем и дочерью уже несколько лет готовимся к переезду. В какой-то момент понимаешь, что нужно идти дальше. Сначала предполагали, что это будет Питер, но теперь склоняемся к Москве. Сейчас мне 32 года, хотелось бы к сорока добиться ещё чего-то, попробовать новое.

– В идеале к сорока годам вы – кто?

– Во-первых, мне хотелось бы заниматься той же деятельностью. Я верю, что человек может изменить мир вокруг себя. В городе, в районе, в регионе, а может быть, и в мировом масштабе. Мне кажется, в Красноярске у меня это получалось, хотя бы потому, что за время моей работы директором фонда в нашем городе появилось сообщество, разделяющее идеи и ценности благотворительности.

Во-вторых, мне бы хотелось это делать уже на новом уровне. Чем шире ты мыслишь, тем значимее твои дела. Мыслишь в пределах России – можешь быть первым в регионе. Мыслишь в пределах мира – должен быть первым в своей стране. Я хочу работать в какой-то глобальной международной миссии. Например, в ООН.

Когда же начала выстраивать дорогу к реализации мечты, мониторить европейский рынок труда, обнаружила: то, что я умею делать, там очень востребовано. Однако мой опыт работы в крупной корпорации – вовсе не плюс. Гораздо больше ценится опыт деятельности пусть в маленьком, но международном проекте, а таких больше в Москве. Ну, и придётся быстро выучить французский или испанский – в ООН ведь три базовых языка.

– Где вас научили так масштабно мыслить?

– В КГУ. Я окончила ППФ, бакалавр отделения педагогики. Моим научным руководителем стал Валерий Сергеевич ЕФИМОВ, человек невероятно интересный, умный, увлечённый и умеющий

вдохновлять. Благодаря ему я с девятнадцати лет участвовала во многих образовательных проектах: выездные школы для детей, семинары для педагогов... Это счастье, когда в вузе есть человек, на которого можно опереться, который видит дальнюю перспективу. Не зря сейчас Ефимов возглавляет Центр стратегических исследований и разработок СФУ.

– Что нужно сказать девятнадцатилетней девочке, чтоб она активно включилась в такую серьёзную работу?

– Нас было пятеро одноклассников, которые после первого же погружения, где обсуждали перспективы своего развития и развития системы образования в целом, поняли, что нам с Ефимовым интересно. Был какой-то интеллектуальный драйв: мы наравне с преподавателями до ночи анализировали прошедший день, проектировали содержание образования и темы следующего дня. Эта наша факультетская практика – погружение – до сих пор хорошо работает в моей жизни.

После мы участвовали во всех проектах Валерия Сергеевича. Занимались урбанистикой, стратегическими исследованиями, развитием университетского образования. Сейчас это в тренде, а 10 лет назад было какой-то дикостью. Но Валерий Сергеевич в это верил, и нам казалось – да, за этим будущее. Время подтвердило его правоту. Например, мы с ним в 2004 году выиграли грант национального фонда подготовки кадров на создание учебника для детей «Школьная урбанистика». В 2015 году проблемами развития городской среды мы занимались уже в РУСАЛе. Сегодня же про эту урбанистику только ленивый не говорит.

– В университете вы уже понимали, чем будете заниматься в дальнейшем?

– Да, все эти годы мы занимались проектным менеджментом.

« Мы говорили слово «проектирование» примерно сто раз на дню. И тогда уже знали, что человек будущего – тот, кто может заниматься совершенно разными вещами, оперируя проектной методологией: формулирование цели, результатов, намеченного плана.

Диплом писала у Ефимова. У нас был проект «Школа топ-менеджеров будущего», я разрабатывала одно из направлений – предпринимательство. И это тоже помогло мне в дальнейшем: с одной стороны, разобралась с понятием предпринимательства, с другой – мы придумали технологии, как этому предпринимательству можно учить. Это ведь не бизнес, а жилка, которая позволяет людям какие-то новые возможности находить при любом финансовом положении.

После защиты диплома наша команда не переставала работать, мы начали заниматься консалтингом, создавали образовательные проекты и пытались их продавать. А потом решили, что нам всем надо дальше учиться. Мы с подругой выбрали Шанинку – это Московская высшая школа социальных и экономических наук, совместный проект с Манчестерским университетом. В Шанинке тоже сформировалось интересное сообщество тех, кто поддерживает суперсовременные тренды образования со всей России. Мы до сих пор общаемся.

Кстати, обучение в Шанинке выстроено интересно: на сессиях мы только учились, а все рабо-

ты сдавали письменно в форме эссе. И это непростой формат, когда ты один на один с текстом, сумасшедший опыт. У тебя может быть тысяча мыслей, но ты должен уложить их в эссе. Иногда ночами писали.

— **Разве современному человеку важно уметь писать тексты? Сейчас ведь время микроблогов, твитты для большинства интереснее эссе.**

— Это дисциплина мышления и формулирования. Как минимум, это развивает мозг. Так же, как изучение иностранных языков.

Параллельно мы делали проекты по всему краю, обучали педагогов, придумывали, как развивать образование. Тогда современные образовательные технологии живо интересовали школьную, учительскую общественность, поэтому было много разных заказов.

И меня пригласили в Саяногорск провести тренинг. Я познакомилась с директором Саяногорского подразделения РУСАЛа и стала руководителем флагманского грантового конкурса «Сто классных проектов». А моя подруга Елена КОЛМАКОВА в Красноярске вела программу «Партнёрские проекты», и мы вместе организовывали мероприятия. Но пришёл 2008 год, и из 98 человек, работавших в благотворительном фонде РУСАЛа, осталось семеро.

— **Почему?**

— Фонд финансируется из чистой прибыли РУСАЛа, в сложные времена прибыли не было, и мы все в один месяц оказались на улице. Я выплачивала кредит на машину, так что работу надо было искать быстро. Нашла с помощью Интернета — взяли меня менеджером учебного центра в компанию «Контакт», которая специализируется на медицинском оборудовании. Основной моей задачей была продажа услуг учебного центра. Так дико это для меня было: я и продажи? Но выбора не было. Через три месяца я стала директором учебного центра.

Это был для меня колоссальный опыт коммерческой деятельности. В должности директора я работала уже три года, мы делали много проектов, в месяц проводили порядка 15 курсов. И на каждый нужно было набрать народ, организовать практику.

Потом у меня родилась дочь, и пока я была в декрете, мне позвонил предыдущий руководитель ЦСП РУСАЛа Игорь Валентинович СУХОТИН: мы тут запускаем новую программу по предпринимательству, не хочешь поработать? Я согласилась. Через какое-то время с Алексеем МОЛЧАНОВЫМ запустили школу социального предпринимательства. Он за бизнес-составляющую отвечал, я за социальную. А потом Игорь Валентинович решил переехать в Москву и предложил вместо себя мою кандидатуру. Первый год у меня получился очень непростой.

— **Почему?**

— Я была обычным менеджером и вдруг стала директором в фонде, где люди работали по 10 лет. А тут ещё в головной компании решили многое поменять в структурах фонда. При этом организационные изменения были инициированы мной. Но они были просто необходимы.

Дело в том, что во всех некоммерческих организациях есть такая болезнь — привязанность к личности руководителя. Она настолько сильна, что когда ты приходишь на чьё-то место, начинаешь с чистого листа. Для меня же было очень важно создать отчуждаемый продукт. Плюс схема управления была централизованная: решения принимались одним человеком.

Когда мы начали внедрять вовлечение сотрудников, многим это не понравилось. Это же ответственность, а люди привыкли под чьим-то крылышком быть. К тому же отчётность, финансовое планирование...

В силу моей молодости, амбициозности мне казалось, что цель оправдывает средства. Вот у нас есть высокие цели — запустить новые программы, ту же урбанистику. До моего прихода фонд занимался больше развитием инфраструктуры: окна вставляли, спортзалы ремонтировали. Что тоже важно, но не давало никаких импульсов к развитию. Мы же начали искать более серьёзные проекты, наполнять их содержательно. Мне казалось, мы двигаемся к цели, это же здорово! И я не обращала внимания на конфликты внутри коллектива. Пока не накопилась критическая масса.

С каждым своим сотрудником, а их 26, я пережила конфликт и переговоры. С каждым мы обсудили, что он хочет. И я поняла, что люди — разные, не должны быть похожи на тебя. Для меня это прямо открытием стало.

« — Для команды это как раз важно — что люди разные. И нужно ценить их потребности. Кому-то важно возвращаться домой вовремя. Кому-то важны финансовые поощрения, кому-то — статус.

В последние два года я серьёзно изучала тему работы с персоналом. Поняла, что такое команда, как она строится и как ей управлять. Потом я заболела идеей бирюзовых организаций. Наверное, было бы интересно попробовать сейчас такой тип.

— **Что это — бирюзовые организации?**

— Это новый тренд. Самоорганизующаяся система, в которой каждый человек несёт ответственность за всё, начиная от ценности компании и заканчивая своей деятельностью. Так даже заводы построены некоторые. Не в России, к сожалению. При таком подходе сотрудники максимально вовлечены в деятельность, нет жёсткой иерархии. У нас так работают в некоммерческой сфере, поскольку она хорошо подходит для экспериментов. Например, фонд помощи людям с БАС (боковой амиотрофический склероз), где работают только волонтеры. Это организация, в которой нет структуры, нет директора, но они очень много сделали за пять лет: и в систему здравоохранения внедряют изменения на уровне законодательства во всей России, и людей обучают. Было бы интересно поработать в такой организации.

— **Что для вас было самым важным за время работы в ЦСП?**

— Понять, чего хочу в профессиональном плане. Работа некоммерческого сектора — это действительно большая возможность и поле, которое можно развивать. За три года я многое в Красноярске сделала. Но ведь долгое время считалось, что социальное — это обязательно про нищих, социальный бизнес — всегда низкомаржинальный, а социальный проект — про детей из детских домов либо про бомжей.

На самом деле социальное — это огромный слой: здесь и культура, и здоровье, и образование. И когда ты меняешь представление людей о том, что такое социальное, они говорят: м-м-м, благотворительность — это интересно. Вот это я увидела в своей работе — сфере, в которой можно развиваться, нишу на рынке, в которой можно делать много классных проектов.

— **Можно привести пример?**

— Один из любимых моих последних проектов — «Национальный совет по корпоративному волонтерству». Это объединение бизнеса, который вовлекает своих сотрудников в волонтерскую деятельность. Мы в РУСАЛе это делали шесть лет: наши сотрудники выходили и на экологические акции, и к деткам в подшефные учреждения ездили. Но теперь мы эти технологии начали транслировать. Сейчас в Красноярске у меня 20 компаний в этом сообществе. Если в Москве центральные офисы компаний более серьёзно относятся к вступлению в подобные сообщества: подписывают протоколы, участвуют в финансировании проектов, у нас пока всё очень деликатно и неформально.

— **Как можно попасть в такое сообщество?**

— Написать письмо в «Центр социальных программ». У нас открытый вход и куча проектов, можно подключиться к какому-то определённому или включиться во всю деятельность.

« — На последнюю экологическую акцию «День Енисея» мы собрали 600 человек, от каждой компании пришло примерно по 20 человек. Такая армия людей, которые не равнодушны, может менять что-то в городе.

Я кучу идей подарила компаниям, чтобы они только развивали это сообщество. Потом уже сообщество двигает идеи дальше. В социальном предпринимательстве тоже ищешь по крупинкам предпринимателей. Если на школу приходит порядка 120 человек, то к окончанию остаются 15-20.

— **Что такое социальное предпринимательство?**

— Бизнес в социальной сфере: трудоустройство людей с ограниченными возможностями, образование, здравоохранение. Один из моих любимых значимых проектов здесь — стоматология «Зубник». Они организовали выездное обслуживание людей, которые не могут сами попасть к ним в клинику. На Севере открыли мобильный филиал. Занимаются челюстно-лицевой хирургией для людей, пострадавших от различных травм либо имеющих врожденные пороки. У них большая лаборатория. И они помогают людям не за космические деньги получать услуги.

— **Кто это финансирует?**

— Они получают и гранты, и займы, и частично из своего основного бизнеса финансируют эту деятельность. Очень их люблю, они уже на российском уровне известны.

Есть классный проект в Коломне, объединивший девять музеев и производств. Например, музей пастилы, а при нём завод, который производит яблочную пастилу по традиционному историческому рецепту, продает её за границу. У них налажен бизнес, это их окупает. Когда музей не дотационный, а приносит прибыль, это совсем другое позиционирование.

— **В ЦСП со своим проектом может обратиться любой человек с улицы?**

— Конечно, первые клиенты ЦСП — это школы, муниципальные учреждения, у которых задачи поиска финансирования всегда открыты. Но сейчас появился конкурс волонтеров, которые тоже могут какое-то небольшое финансирование получить для своих инициатив. Можно инициативной группой поучаствовать, попробовать себя.

— **Насколько высок уровень проектов, которые вам приносят?**

— Разный. Есть, конечно, и наивные совсем. Но это развитие по спирали. Тех, кто хочет в грантовых конкурсах участвовать, мы учим, рассказываем о современных трендах.

— **Какое количество из обратившихся получают гранты?**

— На конкурс «Территория РУСАЛа» приходит в среднем 300-350 заявок со всей России. А побеждает где-то порядка ста.

— **Вы работаете со всей Россией?**

— Да, у нас девять филиалов, так что примерно две недели в месяц я проводила в командировках. Интересно, что каждый год ознаменовывается какой-нибудь темой. Например, был год проектов про конюшни, потом про робототехнику, парки.

— **Сейчас что самое актуальное?**

— Мне кажется, городская среда. Это очень болезненный вопрос, который можно и нужно решать с помощью общественного мнения. Ведь не построили в Красноярске ферросплавный завод? Наверное, могли бы и Покровку построить не так скверно. Вот «Южный берег» очень крутой. И дело даже не в застройке, а в работе с сообществом, которое там живёт. Люди покупают там квартиры дороже на 15-20%, чем в среднем по рынку, только потому, что там есть сообщество. Они понимают, что городская среда — это не только здания. Мне кажется, тема будет развиваться, людям стало некомфортно в городе.

— **Уехав, по чему вы будете скучать?**

— По своим сотрудникам, по своим партнёрам, по этому сообществу, в котором жизнь кипит. Но сегодня дружить можно и на расстоянии. Сейчас люди мобильные, всё меньше привязаны к определённому месту. Моя мама последние десять лет живёт в Европе, и я, в общем-то, европейско-ориентированный человек. Влюбилась в их свободу, принятие себя и других людей.

— **В России иначе?**

— В России ты должен соответствовать шаблону. Если девочка — должна быть стройная, красивая одеваться, краситься. В Европе больше обращают внимание на ценности, а у нас встречают по одежке.

— **Потому что нам нужно сразу оценить: свой это или чужой.**

— Да, русские всё время оценивают кого-то, а европейцы наслаждаются жизнью. И мобильность у них другая: для нас переехать в другой город — это обязательно купить там квартиру. Я хочу большей лёгкости: поработать в Москве, потом в Берлине, потом ещё где-то. Я хочу, чтоб моя дочь выросла с таким восприятием жизни, а не поняла это только в тридцать лет. Чтобы она наслаждалась каждым днём своей жизни.

Записала _ Анна ГРУЗДЕВА
Фото _ Антон ПЕТРОВ

«Тема национальной идентификации очень важна, но мне кажется, что сегодня она становится всё более интимной, это то, чем ты не будешь размахивать, выйдя на площадь»

Гузель ЯХИНА: «Для меня было важно выстроить роман на человеческой истории»

Одним из самых ожидаемых гостей минувшей КРЯКК стала писательница из Казани Гузель ЯХИНА. Её дебютный роман «Зулейха открывает глаза», рассказывающий о раскулачивании 1930-х годов через личную историю татарки, в прошлом году получил первую премию конкурсов «Большая книга» и «Ясная поляна». В Красноярске состоялась встреча Гузели ЯХИНОЙ с читателями. Её модератором выступила литературный критик Галина ЮЗЕФОВИЧ. История создания и публикации романа, критика и переводы, вопросы поиска языка для разговора о травмах XX века и национальной идентичности — в диалоге писателя и критика.

— Расскажите, как родился ваш роман?

— Раскулачивание — часть моей семейной истории. Моя бабушка провела 16 лет в Красноярском крае в ссылке с родителями, в посёлке Пит-городок, которого сейчас уже нет на карте. Бабушка много рассказывала об этом периоде, он был ключевым в её жизни, сформировал её: у неё был настоящий сибирский характер, а в речи было слышно характерное оканье. Мне кажется, бабушка понимала, что на берегу Ангары родилась второй раз.

Я давно интересовалась темой раскулачивания и в определённый момент, глубоко погрузившись в материал, захотела написать роман. Опыта создания больших историй у меня не было, и дело продвигалось медленно. Я пошла учиться в киношколу, на сценарный факультет, где в качестве учебной работы написала сценарий «Зулейха открывает глаза» — полный метр на 180 минут экранного времени. Так я впервые смогла почувствовать свою историю, понять, где её начало, где середина, а где конец, куда она развивается, какие у неё есть сюжетные линии. Критики потом отмечали, что в романе есть некоторая излишняя сценарность. Да, это так. Елена Данииловна ШУБИНА, которая решила издать роман, на этапе работы над рукописью просила сделать текст «более литературным». Я что смогла — сделала. В роман не вошли довольно большие куски, которые были в сценарии, и наоборот. К примеру, история полусумасшедшего профессора Лейбе с его яйцом или первые главы, описывающие быт татарской деревни — это всё чисто литературные вещи. Когда я писала роман, у меня была цель минимум — дописать до конца, цель максимум — опубликовать. То, что роман вышел в редакции Елены Шубиной, уже превзошло все мои самые смелые ожидания.

— Все мы знаем, как Джоан РОУЛИНГ со своим Гарри Поттером обошла семь издательств и только издательство «Блумсбери» в конце концов приняло рукопись. А у вас история публикации была лёгкой и безболезненной, то есть сразу нашёлся издатель, который полюбил роман, или это была какая-то более сложная история?

Объясню, почему спрашиваю: есть довольно устойчивое представление о том, что неизвестному автору напечататься в хорошем месте просто невозможно.

— Путь к изданию романа не был очень лёгким, но и назвать его тернистым и долгим тоже, наверное, нельзя. Я не имела никаких связей в литературном мире, до написания романа занималась проектами, не связанными с литературой. Поэтому, закончив текст, я сначала показала его своей хорошей приятельнице из мира литературы, которая могла бы дать адекватную оценку: литература ли это вообще? Получив её экспертное одобрение, я стала действовать, как, наверное, действует практически любой новый автор: составила список издательств, которые, как мне показалось, могли быть заинтересованы в публикации исторического романа, и отправила им рукопись. Некоторое время подождала, ответа не было. Решила попробовать другой путь — публикацию в литературном журнале. Очень быстро откликнулись «Сибирские огни», там вышли 3 избранные главы из «Зулейхи». Я думала, что так смогу привлечь внимание издательств, но и этого не произошло.

И я пошла третьим путём — стала налаживать личные контакты, и в итоге случайно познакомилась заочно с Еленой КОСТЮКОВИЧ, писателем и переводчицей Умберто ЭКО на русский язык. Елена владеет литературным агентством, она решила взять «Зулейху» в работу. После всё пошло очень быстро: текст сразу отправили Людмиле Евгеньевне УЛИЦКОЙ, чем, конечно, ввергли меня в полное смятение. Людмила Евгеньевна очень быстро прочитала роман и дала тёплый отзыв, за что ей огромное спасибо. Уже с этим отзывом роман выслали Елене Данииловне ШУБИНОЙ, она прочитала и взяла роман к печати.

— Это очень утешительная история. Мотивирующий пример для начинающих писателей, который показывает, что есть возможность пробиться, быть опубликованным, и что на самом деле люди, которые жалуются, что их не печатают, видимо, что-то не то делают. Ещё вопрос,

который у меня родился из вашего первого ответа про сценарность. Ваш роман очень хочет быть фильмом, он кинематографичен. Будет ли фильм?

— Да, «Зулейха» очень хочет быть фильмом, тем более что и родилась она как сценарий, и я тоже очень этого хочу. Мы заключили договор с каналом «Россия» на экранизацию, будет многосерийный фильм, 6 серий. Сейчас идёт работа над сценарием, больше ничего не могу сказать — никаких деталей не знаю. Пока не выбран ни режиссёр, ни актёрский состав. Я была бы счастлива, если бы Зулейху сыграла Чулпан ХАМАТОВА, потому что она, как мне кажется, идеально подходит на эту роль. Не только потому, что она татарка, очень красивая, того же возраста, что и героиня, но ещё и потому, что Чулпан изумительная актриса, в ней есть изумительная идущая изнутри чистота, которую не замажешь никаким гримом и не нарисуешь, — это и есть суть Зулейхи. Чулпан читала текст и была бы не против сыграть, но решение об актёрском составе будет принято позже, когда будет выбран режиссёр.

— Я бы хотела спросить о спорном идейном меседже, который транслирует ваш роман. Есть устоявшее представление о коллективизации в России и о массовых выселках раскулаченных людей — это национальная трагедия, которая затронула огромное количество людей и фактически изменила нашу страну. В вашем романе возникает странное, двойственное ощущение, что, с одной стороны, коллективизация — это ужасно и плохо. Но ведь, если честно, у Зулейхи жизнь начала налаживаться только после того, как она попала на поселение. Все ужасы коллективизации по сравнению с тем ужасом, в котором она жила первые 30 лет своей жизни, кажутся просто пионерским лагерем. Нет ли у вас ощущения, что своим текстом вы легитимизируете то, что было национальной трагедией?

— Мне кажется, что своё отношение к сталинскому периоду, к теме коллективизации и раскулачивания я однозначно выразила в романе. Множество кулацких, читай — просто крестьянских, хозяйств было в тридцатые годы переселено.

лено с мест проживания и отправлено в ссылку. Это национальная трагедия. Когда я читала документальные материалы о ней, а читала я много, в том числе научные работы и мемуары раскулаченных, то понимала, какая за всем этим кроется боль. Её просто нельзя вынести.

На сайте Сахаровского центра есть огромный массив материалов на тему (воспоминания, выдержки из книг прошедших через спецпоселение и лагеря), но нельзя сесть и провести, скажем, два часа за их чтением — это так тяжело, что ты вынужден через полчаса просто закрыть компьютер и выйти подышать воздухом. В воспоминаниях много повторяющихся мотивов, все они словно складываются в общую песню, я постаралась как-то её ноты отразить в книге.

Что касается темы самой Зулейхи, темы того счастья, которое её внезапно настигает на поселении, то это сделано сознательно. Во-первых, мне хотелось, чтобы книга не была чересчур тягостной, чтобы читатель дошёл до конца, а не закрыл книгу на первых страницах. Во-вторых, я очень хорошо помню воспоминания бабушки. Я не записывала её на диктофон, к сожалению, но помню ощущения, которыми она делилась. Она говорила об очень тяжёлом времени, но этот ужас не был беспросветным, она говорила и о счастье, маленьких радостях и светлых моментах. Об этом светлом мне и хотелось написать, о горьком счастье посреди мрака.

— Мне кажется, что сейчас современная русская литература ищет язык, ищет способ, чтобы говорить об этом времени, о той травме. И мне кажется, что как раз отчасти успех «Зулейхи» — это успех именно языка. В эпоху гласности 80-х годов на нас обрушились тексты, которые было физически больно читать. А когда очень долго больно, возникает потребность как-то от этого отгородиться, сказать «это не я, это не моё». Мне кажется, что «Зулейха» предлагает некоторый способ говорения про это. Ваш роман не писался с целью попасть в какой-то тренд, но удивительным образом он в него попадает. «Зулейха» живёт в той же плоскости, где живёт «Обитель» ПРИЛЕПИНА, где живёт «Авиатор» ВОДОЛАЗКИНА. Вряд ли вы думали про это, но как вы сами располагаете ваш роман среди книг о травме XX века?

— Я совсем не думала об этом — просто писала как чувствовала. Не предполагала, что у романа будет так много читателей. Для меня было важно, с одной стороны, соблюсти историческую правду, даже в самых мелких деталях, а с другой стороны, выстроить роман на человеческой истории, которая приподнималась бы над историей страны.

Вот на обложке «Лавра» Евгения ВОДОЛАЗКИНА написано «(не)исторический роман». Это то самое и есть. Для меня была важна сама Зулейха и окружающие её люди. Человеческая история была значимее, чем политическая. То же касается национальной темы. Хотелось написать роман, который, с одной стороны, национальный, с другой — наднациональный. В начале книги очень много татарской лексики, фольклора, быта, всё это окружает героиню, но потом постепенно исчезает, почти выветривается к концу: национальная история переходит в интернациональную.

Я получила много писем от тех, кто увидел в героях своих бабушек и дедушек. Если бы я только могла предположить это в период написания текста, я бы, наверное, никогда не дописала до конца, потому что груз ответственности меня бы просто раздавил.

У меня есть письмо, самое дорогое, от дедушки из Уфы. Ему 93 года, он писал не сам, под диктовку написала его дочь. Он точно так же, как и бабушка, был раскулачен в 1930 году, из Поволжья был сослан в Красноярский край, а в 1947-м, на год позже бабушки, вернулся к себе. Это очень точная рифма к судьбе моей бабушки. В письме он описал очень подробно свою судьбу, на пяти листах. Такие письма, конечно, для меня очень дороги, я счастлива, если кому-то этот текст помогает вспомнить своих родственников.

— По поводу национального. Ваш роман фактически про преодоление традиции. Зулейха живёт в очень жёстком традиционном мире, и в конечном итоге она выходит за рамки не только традиционного мира, а и своего национального.

Понятное дело, когда скрепы и традиции опять выходят на передний план, кажется, что размытие национальных и традиционных границ — это скорее плохо. Ваши друзья и знакомые в Казани не были шокированы, оскорблены вашим текстом, который говорит, что настоящая жизнь начинается в тот момент, когда ты выходишь за рамки традиционной модели?

— Да, отношение к роману в Татарстане неоднозначное, очень эмоциональное, поляризованное: кому-то очень нравится, кому-то очень не нравится.

В Татарстане было очень много критических статей, которые освещали больше не литературные аспекты, а моменты, связанные с национальностью или религией, с сохранением традиций. Поначалу меня такая реакция обескуражила, а потом даже порадовала, потому что это вызвало горячую дискуссию.

Могу только поблагодарить всех, кто высказался, даже если это были резко негативные рецензии. Дело автора — создать роман, какая-то полемика с критиками не предполагается. Для меня тема национальной идентификации очень важна, но мне кажется, что сегодня она становится всё более интимной, это то, чем ты не будешь размахивать, выйдя на площадь. Собственно об этом речь в романе и шла.

— Действительно, кажется, что всё татарское — это костное, консервативное, страшное. И квинт-эссенция всего этого — первые главы. В одной казанской рецензии мне попала фраза, что эта книга — «гимн растатариванию», роман, который декларирует необходимость отказа от своей татарской идентичности. Интересно, насколько эта интерпретация соответствует вашему внутреннему ощущению.

— Ни коим образом не призывала к отказу от национальных корней. Наоборот, постаралась с любовью, бережно вспомнить весь тот национальный фольклор, который питал меня в детстве, какие-то мелкие бытовые детали, которые сегодня уже безвозвратно канули в прошлое. Я пыталась вызвать в памяти ушедший мир, сфотографировать то хорошее, что помнила из детства, из своей деревенской жизни. Более того, две сюжетобразующие легенды в романе — легенда о Юзуфе и Зулейхе, легенда о птице Семург — это литературные памятники народов Востока; это основа всего происходящего, это то, из чего родились Зулейха и Юзуф.

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА: Вы уделяете очень много внимания быту, деталям, откуда у вас такое знание предмета?

— Я очень люблю крупный план, да. Что касается татарской части, то знания мои просто из детства. Когда на этапе создания романа я принялась читать научные работы о татарском эпосе или семантике татарского жилища, к примеру, то скоро поняла, что читаю о хорошо знакомых вещах. Что же касается жизни переселенцев, то при её описании я уже больше ориентировалась на научные работы, архивные исследования, брала информацию из мемуарных источников. Старалась получить изучать матчасть, чтобы не было досадных неточностей. «Исторический скелет» сюжета проверялся экспертно — Ириной ЩЕРБАКОВОЙ, руководителем программ «Мемориала», за что ей большое спасибо. Каких-то грубых ошибок, недостоверностей, связанных с историей трудпоселенцев, она не обнаружила.

— Понятно, что читатель читает не то, что написал автор, и с этим довольно бессмысленно дискутировать. Есть одна важная и печальная для многих авторов вещь, мы разговаривали об этом на ярмарке с Сухбатом АФЛАТУНИ, который говорил про то, что он теперь назначен «писателем за Среднюю Азию», и, соответственно, любое отклонение от среднеазиатской тематики воспринимается не то что бы как предательство, но в некоторой степени как разочарование. Вы не чувствуете себя заложницей, связанной историей Зулейхи? Это известная тема: вторая книга — это бесконечная боль, некоторые с ней так никогда и не могут справиться, остаются писателями одной книги. Нет у вас этой проблемы?

— Это вопрос в яблочко. Да, конечно, такое опасение у меня есть. Было бы печально остаться автором одного романа. Второй роман, действительно, гораздо сложнее писать, но я надеюсь справиться и написать вторую вещь.

— Я знаю, что вы работаете над второй книгой, можно сказать, что примерно получается? Не будет ли это «Зулейха открывает глаза»-2 или «Зулейха закрывает глаза»?

— Не хотелось бы, чтобы Зулейха бесконечно подмигивала читателю. Продолжения романа точно не будет. История Зулейхи закончена, внутренняя точка поставлена. И истории Юзуфа точно не будет, тем более в кратком виде я её уже описала в сценарии: он станет художником и доживёт до глубокой старости. Мне предлагали, кстати, самой написать сценарий для канала «Россия», но я отказалась. Во-первых, я очень долго жила с историей «Зулейхи» и уже хотела бы освободиться от неё, а во-вторых, мне было бы больно резать собственный роман сценарными ножницами. Мне интересен период с 1917 по 1957 годы, действие второго романа происходит в эти годы. Пока это всё, чем могу поделиться.

— Простите за резкость, но вас ещё не тошнит от «Зулейхи»? Когда я как-то заговорила с отцом, писателем Леонидом ЮЗЕФОВИЧЕМ, о его последней книге «Зимняя дорога», я почувствовала, что он теряет связь, выпадает из этого разговора и говорит «я больше не могу». Вы ещё любите роман или вы от него уже устали?

— Вы знаете, я ведь за него отвечаю, как за ребёнка, поэтому не могу сказать «я устала», закрыть глаза и отвернуться. Дети и в 10 лет, и в 20, и даже в 30 в нас нуждаются. Я понимаю, что роман всё ещё нуждается во мне, потому что сейчас начинают выходить переводные версии, вот буквально на прошлой неделе была презентация первого зарубежного перевода, я его представляла в Хельсинки на книжной ярмарке. Я понимаю, что в ближайшие два года я буду жить вместе с «Зулейхой», и я этому рада. Если усталость и есть, то это, скорее, радостная усталость. Может, подобный период не повторится потом никогда в жизни?

— Не расскажете немного про переводы книги? Потому что это большая проблема — русскую литературу очень неохотно переводят, её плохо читают за рубежом. Это не столько проблема зарубежных издателей, сколько наша проблема. Мы пишем что-то такое, что нужно и важно только нам, что плохо понимается другими читателями. «Зулейха» может прозвучать на любом языке, как мне кажется, потому что в основе книги очень понятна история о человечестве. Есть отклики на роман из-за рубежа?

— Откликов пока ещё очень мало, только-только вышел финский перевод. Всего мы заключили 22 договора, то есть книга будет переведена на 22 языка, включая татарский.

Я очень надеюсь, что тот человеческий фокус, о котором я говорила, те архетипические темы, которые в романе затронуты — отношения свекрови и невестки, матери и сына, выбор между любовью к мужчине и сыну — будут интересны в других странах.

— На какие языки будут переводить, кроме финского и татарского?

— Немецкий, испанский, итальянский, французский, английский...

— Это «вау», на английский язык не переводят почти что ничего! Это невероятный успех. Англоязычный книжный рынок очень самодостаточный, там справедливо исходят из того, что всё, что им надо, уже написано по-английски. Поэтому там переводная литература — это всего 3%. То, что вы попали в эти 3%, это потрясающе, я вас поздравляю. Изменилась ли ваша жизнь на уровне жизни? Ещё два года назад вашего имени не знал никто, кроме близких друзей и коллег.

— Спасибо. Да, жизнь изменилась. Стало больше публичности. Не могу сказать, что я этому очень рада, я, скорее, человек не публичный. В жизни стало происходить больше внешних событий, встреч. Вместе с этим я чувствую и достаточно серьёзный груз ожиданий, но это, наверное, то, что прилагается «в комплекте».

Текст _ Вера КИРИЧЕНКО

Почти 600 человек из 25 стран приехали в Красноярск на Конгресс «Цветные металлы и минералы» в сентябре 2016 г.

Подготовка любого крупного отраслевого мероприятия — конференции, симпозиума или конгресса — требует и сил, и времени. Что предпринимают организаторы, чтобы оправдать ожидания участников? Какие хитрые технологии применяют, чем увлекают?

Экспансия по Полякову

Например, нынешней осенью в Красноярске проходил ежегодный VIII Международный конгресс «Цветные металлы и минералы — 2016» и сопутствующая ему выставка. Приехали специалисты крупнейших отечественных и зарубежных горных и металлургических компаний, а также представители ведущих российских вузов, научно-исследовательских и академических институтов — почти 600 человек из 25 стран мира. Известные российские и зарубежные компании в дни работы конгресса представляли свои разработки, технологии, материалы и оборудование для горно-металлургической промышленности.

Как же делается конгресс международного уровня? Кстати, его идейным вдохновителем и бессменным организатором является доктор химических наук, профессор кафедры металлургии цветных металлов СФУ и заслуженный металлург РСФСР Пётр Васильевич ПОЛЯКОВ.

Однажды в Америке

Однажды Пётр Поляков, авторитетный эксперт в алюминиевой промышленности, побывал в Америке на международной конференции TMS — The Minerals, Metals and Materials Society. Этот форум проводится в Штатах уже более ста лет. Когда красноярский учёный, известный фундаментальными работами в области теории и технологии получения лёгких металлов и высокотемпературной электрохимии, вернулся домой, то загорелся идеей: а почему бы в родном городе не организовать подобное?

— Приехал Пётр Васильевич, собрал нас и выложил всё как на духу. Мол, чем мы, сибиряки, хуже? Всё у нас есть: цветные металлы, инновации, опыт, передовые технологии. Надо проводить форум, и точка! — вспоминает заместитель председателя оргкомитета конгресса, кандидат технических наук Ольга Николаевна ПОПОВА. — Сказано — сделано. Самая первая конференция «Алюминий Сибири» прошла скромно, в виде семинара, а на следующий год — уже с приглашением иностранных гостей и с элементами выставки. С тех пор постепенно набираем обороты, и очень важно не сойти с дистанции, не пропустить ни одного года.

— **Ольга Николаевна, в чём секрет долголетия конференции?**

— Наш форум живёт уже более 20 лет, и это говорит о том, что участникам он интересен. Конечно, пережили мы крупные социальные потрясения — перестройку, экономические кризисы. Помню, как в 90-е на КраЗе (а это наш главный соорганизатор) за один год сменилось несколько директоров! Не до науки было и не до конференций... То и дело звучало: не нужны такие форумы, давайте отменять! Но Пётр Васильевич — кремень, отстоял. И хотя у нас нет бюджетного финансирования, и в случае кризиса есть риск не собрать участников — выжили благодаря продуманной, слаженной и заблаговременной подготовке мероприятия.

Обычно мы начинаем готовить следующий конгресс, как только разъезжаются по домам гости: ведём новые переговоры, ищем партнёров и спонсоров, собираем оргвзносы с будущих участников, а желающих сотрудничать немало. Например, когда состоялось четырнадцать конференций «Алюминий Сибири», мы обратились к директору Института химии и химических технологий РАН, члену-корреспонденту РАН Г.Л. ПАШКОВУ и предложили объединить наше мероприятие с конференциями «Золото Сибири» и «Металлургия цветных и редких металлов». Так восемь лет назад конференции слились в единый конгресс «Цветные металлы», а шесть лет назад к нам присоединились ещё и «минералы». Конечно, хочется вовлечь в этот мощный поток и чёрные металлы, и машиностроение. Но, с другой стороны, мы понимаем, что нельзя объять необъятное. Лучше уж оставаться в отраслевых рамках, но более глубоко раскрывать темы.

Peter позвал

Конгресс находится под патронажем не только РУСАЛа, но и правительства Красноярского края, Российской академии наук, завода ОАО «Красцветмет», компании «Лёгкие металлы» и ряда других организаций.

— Поскольку основное направление — научное, то главной нашей опорой является Сибирский федеральный университет, — подчёркивает О.Н. Попова. — Скажем, конференцию «Золото Сибири» в рамках конгресса возглавляет профессор В.А. МАКАРОВ, директор Института горного дела, геологии и геотехнологий, доктор геолого-минералогических наук. И в этом году представительство на этой конференции было, пожалуй, самым массовым. Более того, на Владимира Александровича не так давно вышел академик РАН В.А. ЧАНТУРИЯ с инициативой о включении в 2017 году в программу красноярского конгресса «Плаксинских чтений». Очень заманчивое предложение, ведь это научная конференция «с большим стажем», на протяжении сорока лет её ежегодно проводят в разных городах России. В нынешнем году она проходила в Санкт-Петербурге, а в прошлом — в Иркутске. Если «чтения» войдут в программу Конгресса-2017, а основные темы (недропользование и обогащение) вписываются в формат — это усилит его значимость.

Обычно, когда мы оповещаем потенциальных участников об очередном конгрессе, то решающий аргумент — «Поляков зовёт».

Пётр Васильевич — действительно признанный авторитет, его имя и труды хорошо известны в мире. Он владеет английским научным языком и неоднократно читал лекции в США, Китае, Норвегии, Румынии, Швейцарии и других странах. Если говорить об алюминиевой промышленности, то профессор лично знаком со всеми гуру в этой отрасли. Допустим, в этом году участие в конгрессе принимали его друзья: почётный профессор Норвежского университета науки

и технологии Йомар ТОНСТЭД (он не только читал лекции, но и провёл собственный симпозиум «Инертные аноды») и Барри УЭЛЧ, почётный профессор кафедры химических технологий и материаловедения в университете Окленда Новой Зеландии.

— К слову, профессор Уэлч, когда уезжал в этом году, сказал, что наша конференция по металлургии — самая сердечная и лучшая в мире. А ему, поверьте, есть с чем сравнивать. Он входит в первую тройку всемирно известных специалистов, которые занимаются алюминием всю жизнь! — добавляет О.Н. Попова. — В свою очередь, знаменитые профессора рекомендуют нам для участия в конгрессе своих учеников, партнёров, продолжателей.

Конгресс всегда начинается с открытых установочных лекций именитых гостей. Формат, когда светила читают не сухие научные доклады, а научно-популярные — доступен широкому кругу слушателей и особенно полезен для студентов профильных специальностей.

Конгресс как бренд

Сам конгресс приобрёл уже «критическую массу», и проведение его не остановить. Работает бренд, но для этого понадобились более двух десятков лет. Делегаты ежегодно собираются в Красноярске в первой-второй декаде сентября, при любой политической ситуации.

— Помните, в сентябре 2001 года в Америке случилась страшная история, когда рейсовые пассажирские авиалайнеры, захваченные террористами, врезались в башни Всемирного торгового центра и здание Пентагона? — спрашивает профессор Поляков. — Но даже это потрясение не остановило наших американских друзей — приехали! Одни участники спешат к нам, чтобы продемонстрировать свой товар, в надежде его сбыть; я их называю корабейниками. А другие из любопытства — посмотреть, что такое Россия, Сибирь. Третьи хотят выговориться и доложить, чего они в своей жизни достигли. В рамках конгресса — множество направлений, например, конференция «Алюминий Сибири» даёт представление о том, что такое алюминиевая технология, как она эволюционирует, куда развивается...

Есть и ещё одна причина, почему едут. Если хотите — ма-аленький «шпионаж». Допустим, РУСАЛ применил новую технологию: электролиз с инертными анодами, а западные эксперты хотят узнать поближе, что же тут такое происходит, в сибирской глуши, в краю медведей...

— **Наверняка и у вас свой интерес?**

— Конечно! Мы бы очень хотели видеть на конгрессе представителей Китая. Но не приезжают оттуда учёные! Почему? Да они вкладывают в науку море денег, и учиться у нас им вроде бы нечему, а рассказывать нам свои секреты они не хотят. Вот и всё. Во времена СССР мы им были старшие братья: помогали возводить заводы, делились технологиями, а сейчас китайцы строят

социокапитализм. Они позаимствовали у мира много достижений и благополучно их развивают. Без нас. Правда, в этом году красноярский конгресс посетили представители нескольких китайских фирм. И это нормально, что нашу площадку используют для бизнеса.

И ещё: конференции сейчас очень не хватает отечественных специалистов высшего класса, докторов наук, занимающихся никелем, медью, цинком, свинцом и теми технологиями, которые создают высокую добавленную стоимость. Хотелось бы, чтобы зарубежные учёные в этой области тоже приезжали в Россию.

Нескучный дресс-код

— Благодаря нынешнему конгрессу я познакомился и пообщался с одним англичанином, приверженцем так называемых надёжных технологий lean technologies, — продолжает профессор Поляков. — Может быть, слышали о таком направлении? Сейчас весь мир охвачен идеей — как создать технологию, которая была бы и социально ориентированной и одновременно надёжной технологически. Чтобы не подводила ни одна, даже самая малюсенькая деталь, и все части большого механизма работали как часы!

Лично я руководствуюсь тем принципом, что все металлургические аппараты являются диссипативными системами — все они производят энтропию и рассеивают тепло. Например, автомобиль — простая диссипативная система: она съедает малознтропийный бензин, а «выплёвывает» высокоэнтропийные выхлопные газы. И человек, прокачивая через себя пищу, производит энтропию, выделяет тепло, а тепло уходит в атмосферу. Это я к тому, что мы должны методологию ухода за человеческим организмом приложить к предприятиям. В частности, речь идёт о взаимодействии двух диссипативных систем — человека и металлургического агрегата.

Организаторы постоянно ищут новые формы проведения форума и подачи лекционного материала.

Было бы хорошо, если бы лекторы свои доклады на технические темы сопровождали спецэффектами, обращёнными ко всем органам чувств. Это способствовало бы возникновению образов, ощущений, как в кино 4D. Ясно, что это — дело будущего.

Шесть «М» против трёх

— Мы лет 15 назад решили переплюнуть американцев, — вдруг признаётся Пётр Васильевич. — Они проводят конференцию «Материалы, минералы и металлы», а мы задумали сделать конференцию шести «М»: Мораль, Менталитет, Менеджмент, Материалы, Минералы и Металлы. Единение принципов морали, ментальности и менеджмента очевидно — всегда человек в процессе производства руководствуется какой-то моралью, от собственных корней не убежишь. И мусульманская мораль труда отличается от ка-

толической, а католическая от протестантской. У мусульман особо почётный работник — это купец. Они в пустыне живут, на верблюдах ездят, подвергаются опасности, и когда приходит купец с верблюдом — это праздник. То же самое и с ментальностью — ясно ведь, что трудящийся немец и итальянец разнятся по отношению к труду даже при исповедании одних моральных принципов.

С идеей дополнительных ЗМ я пошёл к митрополиту Красноярскому Пантелеимону, поделился своими мыслями. Выслушал он меня и сказал, что я правильно делаю, что поднимаю эту тему.

Владыка поручил двум священникам подготовить доклады о том, что такое православная мораль труда. И эти выступления вошли в программу. Судя по отзывам, от того, что мы добавили конференции компоненту морали, ментальности и менеджмента, она только выиграла! Думаю, что это направление получит дальнейшее развитие.

— Как думаете, Пётр Васильевич, сколько ещё лет может прожить ваше детище?

— Наш конгресс востребован по многим причинам. Во-первых, мало наших специалистов владеют достаточно бегло английским языком, чтобы сделать хороший доклад за рубежом. Во-вторых, участие в американской и других конференциях много дороже. В-третьих, мы у себя делаем обзоры зарубежных конференций, что за рубежом не практикуется. И в-четвёртых, наш конгресс «подстраивает» свою работу под потребности отечественной промышленности. Конференцию TMS (и другие) целесообразно посещать специалистам высшей квалификации.

Конечно, у конгресса есть «враги»...

— ...и кто же?

— Те, кто говорят: а давайте в Петербург её перенесём, в Москву (или ещё в какой-нибудь крупный город Центральной России). Но мы отвечаем: «Нет!». Потому что именно здесь, в Сибири, сосредоточен центр металлургии и накоплен многолетний опыт. К тому же, в Красноярске находится крупнейший федеральный вуз с профильными институтами.

В этом году в программу конгресса вошёл отдельной строкой молодёжный форум, организаторами которого стало молодёжное правительство Красноярского края и СФУ. На этом форуме делали доклады приглашённые лекторы, состоялся чемпионат металлургических кейсов, круглые столы по теме «Связь бизнеса, науки и образования», по стартапам и ещё много чего. Жаль только, что участников форума было не так много, но конгресс уже стал родным для федерального университета и его профильных институтов — Института цветных металлов и материаловедения (директор В.Н. БАРАНОВ) и Института горного дела, геологии и геотехнологий (директор В.А. МАКАРОВ). Совершенно очевидно, что новая парадигма обучения, поспешно разрушившая советскую, требует вовлечённости университетов в «большую науку», в том числе и прикладную. В этом смысле конгресс создаёт для университета огромные возможности, открывая двери в научный мир всех континентов.

И калачом заманишь

— Пётр Васильевич, говорят, многие иностранцы приезжают в Красноярск на конгресс «Цветные металлы и минералы» ещё и потому, что их привлекает культурная программа...

— Тут дело не столько в культурной программе, сколько в сибирской душе! Она очень участливая и гостеприимная!

В прежние годы мы проводили пикники на природе, устраивали прогулки на теплоходе по Енисею, возили делегатов на базу отдыха «Бузим». А в этом году впервые придумали купание в Енисее (сам я очень люблю холодную воду!). Мы привезли гостей в оздоровительный клуб «Криофил». Там на всякий случай организовали дежурство доктора, обеспечили горячий чай и парную. Они проплыли под предводительством Нептуна в водах Енисея — прошли «посвящение в сибиряки». Таких смелых человек 30-35 набралось. Им подарили на память полотенце с надписью «Покоритель Енисея».

Другие участники были безумно счастливы, что побывали на концерте выдающегося пианиста Дениса МАЦУЕВА, который, к счастью, именно в это время выступал в краевом центре. Кого-то мы свозили на Красноярскую ГЭС, в заповедник «Столбы», в Красноярский краеведческий музей, на экскурсию по ночному городу. У нас культурная программа — это самостоятельная и яркая часть конференции, а на Западе всё по-другому. Там, если отдельные компании хотят «засветиться», они приглашают делегатов на ужин либо везут на свой завод. Всё остальное — свободное время, и как участник мероприятия это время организует — его личное дело.

Делегаты VIII Международного Конгресса и Выставки «Цветные металлы и минералы» побывали с экскурсиями на промышленных предприятиях и в научных центрах Красноярского края. Гости посетили Красноярский алюминиевый и металлургический заводы, завод СКАД, научно-аналитическую лабораторию ОАО «Красцветмета», литейный центр РУСАЛ ИТЦ; СФУ и ряд других организаций.

— Очень важно неформальное общение. На конгресс всегда приезжают авторитетные учёные, с кем вузы могут заключить договора о сотрудничестве, — уверен профессор Поляков.

Чтобы устоять — нужно бежать

— Что обычно учитываете, когда планируете следующую конференцию?

— Надо очень внимательно слушать пожелания предприятий, заказчиков и политиков тоже. К примеру, год назад РУСАЛ попросил: сейчас у нас «алюминиевая» конференция, но мы должны производить не только алюминий, но и продукцию с добавленной стоимостью (value-added technology), поэтому давайте усилим секцию литья и обработки металлов давлением. Мы отреагировали без промедления. Я съездил на американскую конференцию, встретился там с важными персонами — литейщиками с мировыми именами, и они согласились приехать на красноярский конгресс. И в этом году, реагируя на нужды промышленности, мы значительно усилили направления, связанные с производством продукции с высокой стоимостью.

Есть хорошее выражение: чтобы стоять на месте — нужно бежать, а чтобы идти вперёд — нужно бежать в два раза быстрее. Иными словами: не будешь расширяться — не выживешь. Нужна маленькая, но экспансия.

Для участников конгресса в этом году устроили заплыв в Енисее.

ДЛЯ СПРАВКИ

С 12 по 16 сентября в Красноярске состоялся VIII Международный конгресс и выставка «Цветные металлы и минералы — 2016», в рамках которых прошли отраслевые конференции XXII «Алюминий Сибири», X «Металлургия цветных и редких металлов», а горно-геологическое направление было представлено в программе XII Конференции «Золото Сибири». Конференция «Металлургия цветных и редких металлов» являлась юбилейной и проводилась на правах спутникового научного форума XX Менделеевского съезда.

Текст _ Галина ДМИТРИЕВА

«Если верить нашим чешским газетам, да и англоязычным тоже, то в России просто черти какие-то живут, а не люди», — в духе бравого солдата Швейка, своего соотечественника, признаётся постдок Института экологии и географии Сибирского федерального университета ЖОЗЕФ УРБАН. Судя по тому, что в начале этого лета он приехал к нам в Красноярск, верить СМИ наш гость совсем не склонен. Впрочем, как и многие здравомыслящие люди.

На Первом Столбе

(фото научного руководителя Алексея Рубцова)

Жизнь и приключения постдока Жозефа в Сибири

Сибирские апельсины, славянские корни и «сто грамм»

Жозеф, заявив родителям, что у него есть возможность поехать в Сибирь, услышал в ответ от мамы следующее: «Поезжай. Там всё хорошо. Мы в школе учили». Правда, отец, побывавший в Москве в самые тяжёлые перестроечные времена, к словам школьницы времён социалистической Чехословакии добавил: «Ну, не всё там и хорошо. Но поезжай. Сам посмотри».

Собственные же познания Жозефа о Сибири в основном тоже были получены в начальных классах средней школы: «Я знал, что зимой здесь очень холодно, а летом очень жарко. Настолько жарко, что даже апельсины можно выращивать. Правда, приехав сюда, так и не понял, где же эти апельсины растут».

Что касается знания языка, то оно тоже, как говорится, оставляло желать. Жозеф изучал русский в университете десять лет назад и запомнил только одно, зато весьма полезное для межнационального общения словосочетание — «сто грамм». Дело в том, что преподаватель русского был большим любителем выпить и во время занятий, как видно, частенько озвучивал студентам свои спонтанно возникающие желания.

Тем не менее, несмотря на такие специфические базовые знания, особых проблем в общении у Жозефа не возникает. Но это и не удивительно — в чешском и русском, как и положено родственными языкам, довольно много схожих слов. Но если говорить о двух наших странах, то здесь картина иная.

Жозеф родился и вырос в деревне. И это была совсем другая деревня, не похожая на нашу. Скорее маленький, состоящий из кирпичных домиков городок с двумя тысячами жителей. Школа, больница, несколько магазинов. А вокруг, на расстоянии двух-трёх километров — деревеньки поменьше с населением в 300-400 человек. Чуть дальше, километров в двенадцати-пятнадцати, три города, в каждом из которых тысяч двадцать-тридцать жителей.

Таких городов в Чехии много. Конечно, много и дорог. И вообще, с транспортными коммуникациями у чехов полный порядок. Разумеется, там совсем нет таких мест, о которых Жозеф с удивлением узнал, посмотрев фильм «Счастливые люди», — о таёжном посёлке Бахта в Туруханском районе нашего необъятного края. Туда, оказыва-

ется, можно добраться либо по реке, либо на вертолёт. А в его Чехии до любой точки можно легко и быстро доехать на автомобиле. Тем не менее удовлетворённость жителей Бахты своей жизнью Жозефу вполне понятна, так как он человек скорее лесной, чем городской.

Городок, где вырос Жозеф, окружён лесом. Когда Жозеф родился, его отец работал в лесничестве — пилил деревья, отбракованные лесниками. Однако таскание бензопилы не пошло на пользу отцовской спине, что заставило его переключиться на столярные работы. Так что сильный эпический оборот «сын пошёл по стопам своего отца» здесь будет не совсем верен. На выбор, скорее, повлияла мама, которая работает медсестрой в больнице. Она так хотела, чтобы её сын стал доктором, и так много говорила об этом, что Жозеф, как всякий нормальный ребёнок, твёрдо решил: «Стану кем угодно, но только не врачом».

И совсем об этом не жалеет. Даже к «чертям» не побоялся поехать, чтобы посмотреть на дикие, как он выразился, леса.

« — — — — — »

«Когда мы учились в школе, — вспоминает Жозеф, — нам рассказывали о диких лесах России. Такая красота, такая романтика... Я очень хотел когда-нибудь это увидеть. Но только не как турист, за две недели. Мне хотелось узнать, какие здесь люди, чем они живут. И когда мой руководитель сказал, что Сибирский федеральный университет ищет по моей теме постдоков, я немного подумал и согласился».

« — — — — — »

Немного о лесах «огородных» и лесах диких, правильных

Постдок Жозеф Урбан — экофизиолог. То есть, по его словам, такой физиолог, который «чуть-чуть понимает физиологию и чуть-чуть экологию». Образование он получил по специальности

«Лесоводство и физиология растений» в одном из старейших учебных заведений Чехии в области лесного и сельского хозяйства — университете Менделя в Брно. И сегодня изучает, как влияют на растения экологические изменения и климатические условия.

Но насколько это актуально для Чехии? В нашем представлении там и лесов-то нет. Ну, может, где-нибудь в Татрах? Однако эти горы после бракоразводного процесса Чехии и Словакии остались в Словакии, где леса покрывают процентов сорок территории. Но и в Чехии, оказывается, леса занимают более тридцати процентов, что совсем неплохо для Европы.

Конечно, это не Финляндия. Но уже и не Испания, Италия или Польша. Правда, здесь есть другое, довольно существенное «но» — девять-десять процентов лесов Чехии выращены искусственно. Как выразился Жозеф, чешские леса выращиваются в огородах. В основном в этих «огородах» растёт ель, которую чехи очень любят. Да и как её не любить, когда из неё, по словам Жозефа, можно делать и шкАфы, и дОмы. Так что ёлка уже занимает треть территории чешских лесов, оставляя по двадцать процентов сосне, буку и дубу. Ну, и берёзе немного.

Естественные же леса сохраняются лишь в заповедниках и народных парках, которые по нашим меркам совсем небольшие. Но надо признать, что для такой страны, как Чехия, их количество довольно велико. К тому же в лесах и живность кое-какая присутствует: несколько видов оленей, кабаны. «И ещё какие-то с Корсики, — добавляет Жозеф, — не знаю, как по-русски. С рогами такими закрученными. И есть птица, похожая на курицу. Очень вкусная». Ну, с птицей сразу удалось разобраться — фазан и в Чехии фазан. А «какие-то с рогами» оказались европейскими муфлонами, то есть баранами.

А вот с хищниками в Чехии проблема — всех медведей и волков перебили ещё в XIX веке. Так что за стремительно плодящимися кабанами приходится следить охотникам. При нападении на поля диких свиней крестьяне на охотников могут даже в суд подать. За невыполнение взятых на себя обязательств. И судя по количеству судебных процессов, возбуждённых за съеденную зверем кукурузу, пока перевес сил на стороне кабанов.

Правда, в последние годы в Чехии стали появляться волки и даже, как это нам ни покажется странным, медведи, пришедшие с горных лесов

Словакии. Но это совсем не значит, что охотники в Чехии смогут вздохнуть спокойно — у любителей судиться не только кукуруза, но и коровы, и овцы имеются.

Так что нормальная жизнь чешских лесов, несмотря ни на что, идёт своим чередом, в строгом соответствии со сценарием «кто кого». И задача человека свести к минимуму своё влияние на этот сценарий, помогая природе вовремя среагировать на искусственно созданную, а значит, неподконтрольную ей ситуацию. А потому исследования, которыми занимается постдок Урбан, для Чехии весьма актуальны.

Исследования эти, например, посвящены влиянию на леса засухи, которая случается в последнее время всё чаще как в Европе, так и у нас. И влияние это довольно значительно. Скажем, в Чехии засуха способствует распространению небольшого жука, напоминающего нашего уссурийского полиграфа. Это крошечное насекомое живёт под корой хвойных деревьев и способно угробить растение буквально за один год. Положение усугубляется тем, что этот жук переносит фитопатогенный грибок, способный прорасти в древесину и заблокировать ток воды.

В Чехии от этого вредителя спасаются тем, что лесники осматривают каждое дерево и в случае заражения немедленно пускают его в дело — на доски. Или же обрабатывают фунгицидом. Конечно, замечает Жозеф, в «огороде» это возможно, а вот в лесах России, как он узнал, уссурийского полиграфа заметили лишь тогда, когда он сожрал лес на трёх тысячах гектарах. И это при том, что наша пихта (а именно её предпочитает полиграф), по словам Жозефа, обладает исключительной жизнестойкостью. Если в Чехии жуку хватает одного года для завершения своего чёрного дела, то у нас он вынужден держать осаду три года. В первые два смола сильных здоровых растений его просто забивает, и только на третий год дерево погибает.

Конечно, условия жизни растений в искусственных и естественных лесах не могут быть одинаковы. Тем более что и экологическая ситуация, как правило, разная. Одно дело сибирская тайга где-нибудь за тысячу километров от промышленных центров, а другое — лес в густонаселённой Европе.

угля прекратилось, чехи надеются восстановить леса уже со своими, родными ёлками.

Конечно, это будут опять же искусственные леса, а не те дикие, которые так нравятся Жозефу и которые он называет правильными. Однако и «правильные» леса не застрахованы от проблем. Этой осенью Жозеф ненадолго летал в Туру. У нас в Эвенкии, оказывается, неизвестно почему у лиственниц сначала сохнут верхушки, а потом они и вовсе погибают. Конечно, там сейчас стало несколько суше, чем было прежде. Тем не менее никаких паразитов не обнаружено. Никаких вирусов, никаких грибов — ничего.

Нечто похожее и тоже в последние двадцать-тридцать лет происходит и в Чехии, где таким же образом стала погибать ель. Да, грибок есть. Но не больше, чем бывает обычно. Столкнулись с подобным явлением и в Норвегии. Сначала думали, что просто для этих искусственно выращенных лесов изначально было выбрано неправильное место. Но у нас леса «правильные». Видимо, всё же виной всему климатические изменения.

Возможно, в Эвенкии деревья привыкли, что влага, благодаря вечной мерзлоте, всегда рядом с поверхностью. Но мерзлота тает, и вода уходит ниже. И корни, у которых раньше не было нужды, да и возможности расти вглубь, теперь до неё не достают. А это значит, деревьям придётся либо погибнуть, либо как-то адаптироваться, отращивая корни.

«Здесь лучше, чем я думал», или Постдоков по весне считают

Конечно, у молодых растений больше шансов преуспеть в адаптации. Здесь всё как у людей — ребёнок к новому привыкнет с лёгкостью, а старика оно может и доконасть. Вот и у Жозефа как человека молодого были все возможности адаптироваться в Сибири быстро и безболезненно, что он без особых усилий и сделал.

Конечно, в этом ему очень помогла привычка к путешествиям и способность позитивно воспринимать окружающее. До России он полгода жил в Шотландии, где любовался вереском и пустынными островами, потом полгода в Соединённых Штатах. Побывал в командировке в

му хребту, где рвался осмотреть пещеру, но был предусмотрительно остановлен русскими коллегам. Побывал и на Кутурчинском Белогорье — на так называемых Манских столбах. Бывал в Бобровом логу, на острове Татышев и, конечно, на сопках в районе Академии биатлона. Побывал у Караульной пещеры, в посёлке Известковый (где этим августом и был встречен автором на дороге, по которой молодой Астафьев когда-то добирался до переправы в Овсянку). Успел съездить и в Ергаки. А в планах у него посетить Байкал, Хакасию и наш север.

Культурная программа тоже оказалась довольно плотной. Только в БКЗ Жозеф был три раза — посмотрел концерт Красноярского ансамбля танца Сибири, послушал Уральский народный хор и хор Турецкого. В сентябре посетил выставку Андрея ПОЗДЕЕВА, посвящённую его девяностолетию. И вообще, успел побродить по городу, составив о нём довольно оригинальное, на взгляд красноярцев, но вполне обычное для иностранных гостей впечатление.

«Дословно им было сказано следующее: «Что мне нравится в Красноярске, так это деревянные домики. Когда к часовой идёшь, там их целая улица. Они старые и уже некрасивые, но мне они очень нравятся. Думаю, как это было хорошо, когда они были новые, красивые. И рядом с органным залом очень красивые дома».

Но вот что у него восторга не вызвало, так это экология. Признался, что несколько раз со Столбов смотрел и не видел Красноярска — такой плотный смог его закрывал. А потому гулять он всё же предпочитает по лесу и по берегу Енисея в Академгородке. Спускался и к Свято-Успенскому мужскому монастырю, где ему тоже очень понравилось.

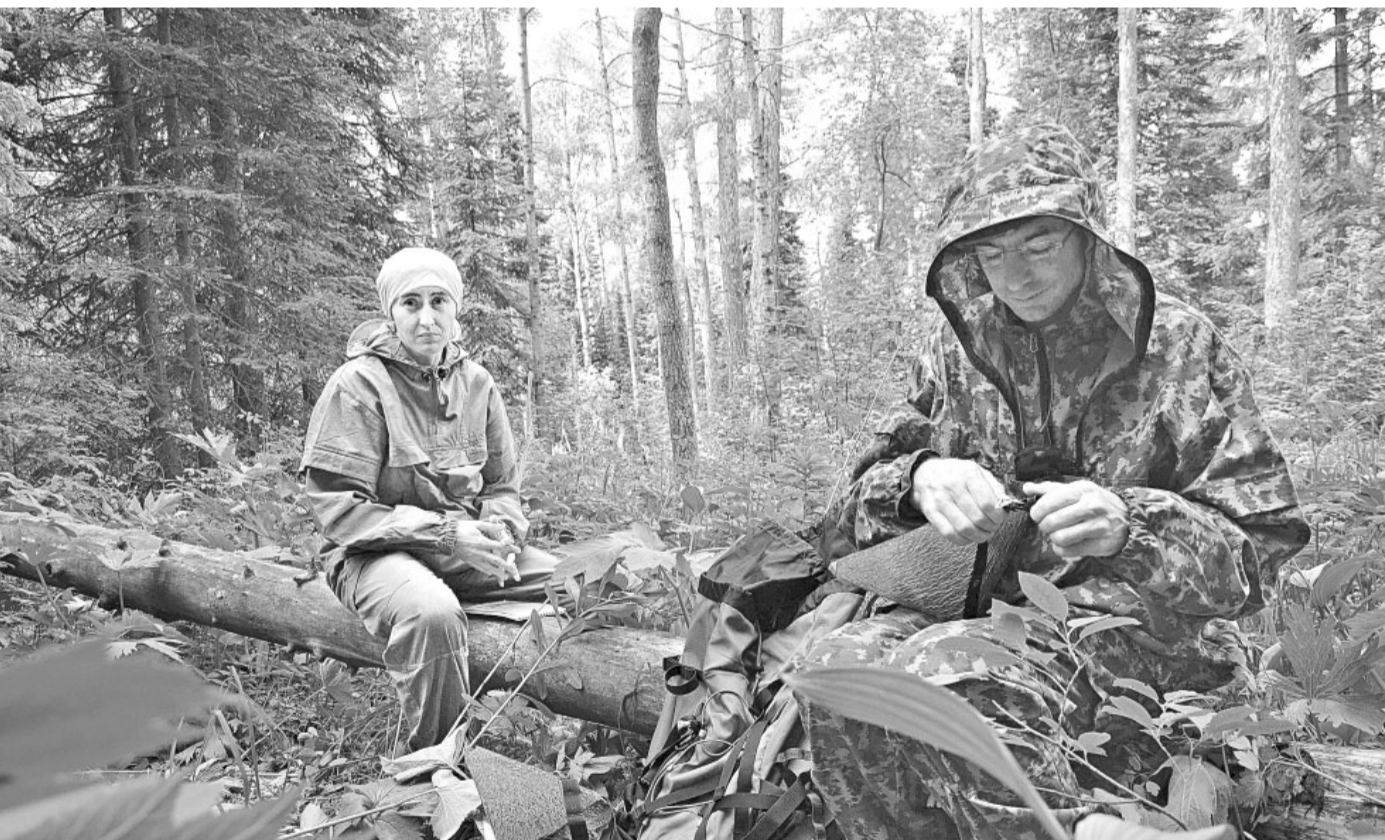
Итак, в отличие от многих красноярцев, наш гость из Чехии уже практически везде побывал и много что увидел. А потому на вопрос, легко ли ему было вживаться в новые для него условия, ответил утвердительно, признавшись, что даже и не ожидал, что всё будет так легко и просто. «Когда я приехал, — вспоминает Жозеф, — мой руководитель Алексей Васильевич РУБЦОВ ждал меня на машине и привёз в университет. Правда, в университете надо было заполнить сначала одни бумажки, потом другие бумажки, а потом ещё бумажки... Столько бумажек! Нигде не видел столько бумажек, сколько их надо написать в России. Но университет сделал всё, чтобы мы с другими прибывшими с этим справились. Несколько человек нам помогли! Они с нами несколько раз и в город съездили, чтобы везде нас зарегистрировать. Так что в основном сложности создавали бумаги. А так всё хорошо. Есть кабинет в институте, есть хорошая комната в общежитии. Условия очень хорошие. Вообще, здесь лучше, чем я думал».

Конечно, славянину Жозефу освоиться у нас было значительно легче, чем тем же испанцам или индусам. Коллеге из Испании Альберто пришлось целый год учить русский дома. А индусы, как приехали в начале лета, так тут же стали напряжённо ждать зиму. И уже в августе решили, что дождалось: «Вот, уже холодно».

Им и с людьми общаться сложно. «Индусы вообще не понимают по-русски, — говорит Жозеф. — Они ходят на специальные курсы в университете. Я на эти курсы никогда не ходил, потому что в магазине или ещё где, меня и так все понимают. А индусам грустно. Они одни и мало с кем могут общаться, только с теми, кто говорит по-английски. Индусы любят ходить в бар. Каждую пятницу и субботу ходят и сидят там весь вечер».

Тем не менее никто из молодых учёных, приехавших в Сибирь в этом году, включая индусов, не унывает. На вопрос, нет ли у кого сожалений о приезде в Россию, в Сибирь, Жозеф с твёрдостью отвечает: «Нет. Вообще нет. Всем очень интересно. Тем более что с работой всё хорошо. Здесь вообще хорошо».

Что ж, пусть переживут зиму, а по весне посмотрим.

С коллегой — заместителем директора заповедника «Столбы» Еленой Тропиной на Кутурчинском Белогорье. В руках Жозефа — прибор для измерения сокодвижения растений (фото Петра Урозаева)

Примером может служить территория, где сходятся Чехия, Польша и Германия. Так как исторически она давно была сугубо промышленной, на ней сжигалось огромное количество каменного угля. Высокое содержание в нём серы провоцировало кислотные дожди, которые разрушали покрывающий хвою воск.

Хвоя со временем осыпалась, и леса погибли. В результате пришлось завозить из Северной Америки определённый вид ели, который только и мог выжить в таких условиях. Но древесина этих американок не шла ни в какое сравнение с той, что была у местных. И сейчас, когда сжигание

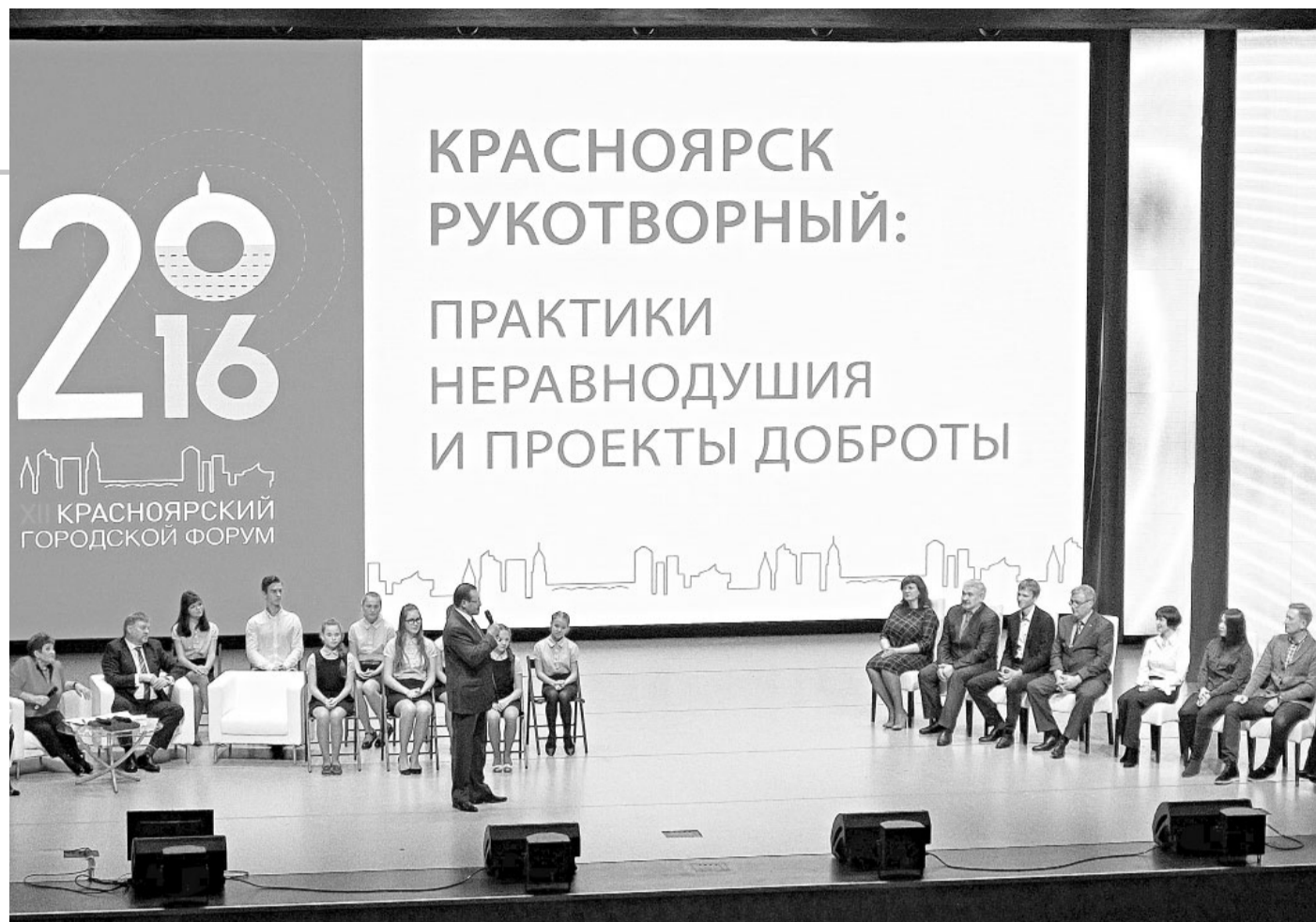
Африке, где ему тоже понравилось. «Мне везде нравится, потому что интересно, — признаётся Жозеф. — Но в Африке я бы не хотел жить. Вот в России жить можно. А в Японии только путешествовать хорошо. Понравилось, но жить бы там я не смог — кругом порядок и никакой импровизации. Мне двух недель хватило. И вообще, они нам не друзья. Другое дело русские. Мы с вами очень похожи».

Непоседливый Жозеф в первые же недели в Красноярске успел обойти все окрестности. Много раз бывал на Столбах, где забирался на Деда (наполовину, конечно). Бродил по Торгашинско-

Текст _ Андрей КУЗНЕЦОВ

«Все мысли, которые имеют огромные последствия, — всегда просты. Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь так просто». (Пьер Безухов. Роман Л.Н.Толстого «Война и мир». Эпилог. Часть первая.)

Эдхам Акбулатов
объявил
об учреждении
премии «Красноярск
рукотворный»

Инициатива наказуема или реализуема?

На поляне гражданского общества

Что такое «гражданское общество»? Вездущая Википедия приводит мнение ведущего американского политолога Дэвида ИСТОНА: это сфера самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся некоммерчески направленных ассоциаций и организаций, ограждённых от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти и бизнеса, а также других внешних факторов; гражданское общество выступает как фильтр требований и поддержки общества к политической системе.

Это определение помогает понять, почему даже современная власть относится к гражданскому обществу и его представителям двояко. Чиновники по определению не доверяют тем, кого не контролируют, а уж тем более не терпят тем, кто с них что-то спрашивает. С другой стороны, более-менее лояльное к власти гражданское общество позволяет направлять общественную инициативу на решение вопросов, с которыми не справляется сама власть.

Возможно, именно имея в виду эту прагматичную цель, российская власть после «прополки» поляны гражданского общества от бесконтрольно понаросших политизированных «сорняков» недавно стала культивировать новые, социально ориентированные «сорта» общественных некоммерческих организаций. Из последних ярких свидетельств тому на федеральном уровне — участие Президента России Владимира ПУТИНА в работе форума активных граждан «Сообщество» 3 ноября, в канун Дня народного единства.

— Желание людей реализовать свои инициативы, опыт, знания ради полезных дел говорит о растущей зрелости российского общества, о том, что активно возрождаются традиции добровольчества, меценатства, милосердия. Такой бескорыстный, зачастую подвижнический труд заслуживает самой искренней и самой душевной поддержки и благодарности, — подчеркнул глава государства. — Создание условий для развития гражданского общества, некоммерческого сектора было и остаётся одним из наших безусловных приоритетов.

Особое значение имеют меры поддержки социально ориентированных НКО, в том числе помогающих людям с ограниченными возможностями или попавшим в трудную жизненную ситуацию, и, конечно, семьям с детьми-инвалидами.

Местные и даже федеральные СМИ в деталях расписали встречу на этом форуме Владимира Путина с командой «Тотем» красноярского детского дома №1, завоевавшей титул чемпиона мира по футболу среди детских домов и школ-интернатов.

Среди участников форума были ещё десять красноярцев, вошедших в шорт-лист номинантов премии Общественной палаты РФ в области гражданской активности «Я — гражданин» с реализуемыми проектами развития сельских территорий и малых городов, детского автоспорта, просвещения в сфере ЖКХ жителей многоквартирных домов, организации хосписов...

Непосредственно в Красноярске гражданская активность стала главной темой XII городского форума, который прошёл 10 ноября на площадке Сибирского федерального университета. В полном соответствии с названием «Инициативные красноярцы — родному городу» с самого начала на пленарном заседании, собравшем около 600 активных горожан, красноярские телевизионные журналисты представили четыре наиболее выдающихся, на их взгляд, проекта и их авторов.

В отличие от тех активистов, что ездили на форум в Москву, а перед этим подавали заявки как претенденты на премию «Я — гражданин» в 200 тысяч рублей, авторов социальных проектов, представленных на XII Красноярском городском форуме, журналисты с трудом уговорили предстать перед широкой публикой. Это, как оказалось, очень скромные люди. Пенсионер и скульптор-любитель Алексей ЖУЧЕНКО создал в обычном городском дворе сказочный мир необычных фигур. Президент Красноярской краевой федерации хоккея с мячом Игорь БОНДАРЕНКО изобрёл новый вид спорта fireball. Будущий доктор Софья РЕДЬКО сформировала студенческую команду клоунов-любителей, ко-

торые помогают ребятишкам легче переносить пребывание в больнице. Фитнес-тренер Наталья КАПТЕЛИНИНА, попав в аварию и будучи сама прикованной к инвалидной коляске, открывает в Красноярске спортивные залы для людей с ограниченными возможностями.

Глядя на таких людей, реально и самостоятельно делающих мир вокруг себя лучше, не хочется думать о том, что государство сейчас всё больше обращает на них внимание и предлагает помощь с какой-то целью. Будет при таком содействии общества и власти больше добрых дел — и слава Богу!

Нечаянное пророчество

Интересные бывают совпадения. Мотивацию и пользу сотрудничества гражданского общества с чиновным сообществом, т.е. то, что фактически и продемонстрировал XII Красноярский городской форум в ноябре, я обсуждал там же, в СФУ, но в июне с генеральным директором автономной некоммерческой организации «УРБЭКС-развитие», соавтором всероссийской «Хартии живых городов» Сергеем САМАРЦЕВЫМ.

— Существуют решения задач «сверху». Они идут в виде программ, проектов, каких-то поручений, которые вышестоящая власть даёт местным властям, и те пытаются их исполнять. Но жизнь усложняется, и количество поручений становится таким большим, что чиновники даже свои основные обязанности не успевают выполнять! Беда в том, что региональный или муниципальный чиновник, как бы он ни хотел, не в состоянии выполнить свои обязанности! А всё потому, что мы не включили в регулярную деятельность интеллектуальный и творческий потенциал рядовых граждан. В России чиновников сделали людьми, которые решают все вопросы, у которых есть полномочия, есть деньги (примечание — бюджетные), а всех остальных инициативных людей превратили в бедных и бесправных. На самом же деле надо соединить эти два подхода, властный и общественный, в решении общих задач.

Сергей Евгеньевич раз за разом подчёркивал: речь идёт не о критике, а о сотрудничестве. Люди демонстрируют творческие подходы, человеческую искренность, доверие, новые способы решения задач, при меньшем количестве трений дающие больший эффект. С другой стороны, инициатива снизу порой наталкивается на такие препятствия, о которых её автор и не

подозревал. В этих условиях грамотный и заинтересованный чиновник может, как лоцман, провести новаторскую идею и проект (пусть и не свои) между скрытыми для глаз непосвящённых рифами административной машины, запутанного законодательства и т.д. Однако и этого для успешной реализации инициатив, будь то общественных или властных, недостаточно. Хороший сапёр не только находит мины, но и умеет их обезвреживать.

— Государственный и муниципальный управленец должен понимать, что такое стратегия и как её создавать, — заявил Сергей Самарцев. — Он должен понимать, что такое программа. Сейчас же все программы превратились в свалку отдельных мероприятий. Он должен проектировать и планировать, понимать, каким образом ожидаемые результаты и цели передаются с одного уровня мысли на другой. Только когда чиновник освоит эти связи, он становится настоящим управленцем.

Всё вышесказанное относится не только к «людям служивым», но и к общественникам, которые намерены добиваться воплощения своих идей в жизнь. Так, например, на дискуссионной площадке «События, которые наполняют Красноярск» участникам XII городского форума были представлены интересные проекты-победители конкурса молодых дизайнеров и архитекторов «ИСКРА» (прим. — «Искусство Строить Красноярск») по оформлению парка 400-летия Красноярска.

Несколькими неделями ранее с этими проектами познакомился глава города Эдхам АКБУЛАТОВ, они ему очень понравились, но... Авторы не учли, что, например, их работы могут стать объектом лазания детей, поэтому надо продумать вопросы безопасности, а на необычных скамейках, отлитых под удобное положение человеческого тела, нельзя сидеть по медицинским показаниям — они из бетона... Всё это всплыло в разговоре творцов с городскими чиновниками. Так что именно тандем подготовленных представителей гражданского общества и органов власти имеет шанс грамотно поставить задачу и реализовать её.

— Для того чтобы реально изменить город, необходима спайка технологически и ментально независимых экспертов, — уверен Сергей Самарцев, автор стратегии развития города-тёзки Самары до 2025 года. — И у них должна быть методология и технология проектирования. Если хотя бы одного из этих факторов нет — получится стратегия, которую нельзя реализовать. Качество мышления, когда ты планируешь на сроки больше собственной жизни, должно выходить за рамки индивидуальных ограничений.

Мы должны о них знать

Как органы власти и гражданское общество начали одновременно движение навстречу друг другу, так и грамотной постановке целей и их реализации они учатся параллельно. Вот, например, в конце ноября результаты годовой работы над своими проектами преобразования жизни в разных городах и районах края будут защищать выпускники Школы управленческого резерва при краевом госучреждении «Институт муниципального развития». Это муниципально-частное партнёрство в развитии Сухобузимского района; формирование индустрии гостеприимства в Шарыповском районе и городе Дивногорск; Минусинск как столица спорта, туризма и экономической жизни юга Красноярского края; ребрендинг Ачинска; развитие туризма в Краснотуранском районе.

А немного позднее, в январе 2017 года, итоги своей работы представят участники проекта «Формула города», организаторами которого являются проектная группа «УРА» (Урбанизм Ресайкл Арт), Красноярская региональная молодёжная экологическая общественная организация «Природное наследие» и региональное отделение общественной организации «ИНТЕРРА». Они работают над проектами создания в Красноярске качественной и безопасной среды для велосипедистов и пешеходов, экологического Центра устойчивого развития на базе краевой Станции юннатов, объектами необычной карго-архитектуры и др. Кстати, именно «Формула города» и приглашала в Красноярск эксперта социально-экономических разработок Сергея Самарцева.

— Главная задача — чтобы проекты, которые мы придумываем вместе с молодёжью, были реализованы, — уточнил Сергей Евгеньевич. — Беда в том, что проектированию как способу производства некоего знания в России не учат, у нас нет ни одного профессионального учреждения, где учат проектированию! Как такое может быть? Ведь это один из инструментов управления жизнью, одно из средств достижения целей! Моя задача — дать инструмент в руки и научить им пользоваться.

«

Что ж, владение инструментом проектирования даст возможность участникам «Формулы города» не только успешно реализовать свои идеи, но и побороться за премию активным горожанам «Красноярск рукотворный», об учреждении которой объявил на XII Красноярском городском форуме глава Красноярска Эдхам Акбулатов.

»

— Основным капиталом нашего города являются инициативные люди, — сказал, подводя итоги XII Красноярского городского форума, Эдхам Акбулатов. — Мы, городское сообщество в целом, должны поддерживать таких людей, мы должны знать о них. Человек должен знать, что не государство оценивает его инициативу и не муниципалитет (хотя и они тоже), а люди, рядом с которыми он живёт.

Рискну закончить разговор цитатой из работы Карла Маркса и Фридриха Энгельса, хотя они нынче в России и не в фаворе: «Гражданское общество — сфера материальной, экономической жизни и деятельности людей. Именно оно является первичным по отношению к государству, гражданская жизнь как сумма разнообразных интересов скрепляет государство».

Арт-объект «Соединение» — победитель конкурса «ИСКРА»

Текст _ Елена НИКИТИНСКАЯ

Как заполнить *tabula rasa*

Не усложняем ли мы себе задачу, когда берёмся самостоятельно учить иностранный язык? Как избежать этой ловушки? Об этом мы сегодня поговорим с Татьяной МОШКИНОЙ, преподавателем с многолетним стажем.

— Татьяна Григорьевна, вы преподаёте английский язык около 30 лет. Труднее сегодня обучать языку или легче?

— Хотя сегодня существует столько возможностей изучать язык, я бы не сказала, что стало проще. Взять ситуацию 20-30 лет назад: не было ни учебников, разработанных носителями языка, ни такого количества аудио- и видеоматериалов, литературы. Сегодня с этим намного проще. В конце концов, существует Интернет. Но при этом получается палка о двух концах. При таком потоке информации детей удивить уже ничем нельзя. Кроме того, они перестали читать. А ведь для того, чтобы изучать язык, любой — русский или английский — нужен общий уровень образованности и культуры, так называемый бэкграунд. А общий уровень, к сожалению, имеет тенденцию к снижению.

Вот такой простой пример: в европейских языках много так называемой интернациональной лексики, например, слов с латинскими корнями. Но слово можно узнать по корню, только если ты знаешь его в русском языке. Например, *civil* — гражданский, *origin* — происхождение... *Tabula rasa!* Крайне низкий уровень общих знаний, поэтому работать сложно.

Но средств обучения, хороших учебников, конечно, сейчас много. Помнится, когда я начинала работать в университете, мне приходилось самой делать учебный материал. Я придумывала и писала несметное количество карточек, чтобы был раздаточный материал. Сейчас это не нужно — заходи в Интернет и выбирай! И даже если кто-то не может купить дорогой учебник, любой из них можно найти в Сети.

— Я знаю, что вы начинали работать в селе...

— Начинала я в Большемуртинском районе, куда приехала после педагогического института по распределению. Попала в сельскую школу на абсолютно нулевые знания у детей. Но сначала я открыла журнал и вижу, что у всех детей по английскому языку «четвёрки» и «пятёрки». Думаю, как замечательно, как хорошо мне тут будет работать. На поверку оказалось, что всем можно ставить «двойки», потому что предыдущий учитель работал по такому принципу: если ученик сидит в классе тихо и не мешает вести урок, он получает «четвёрку», если же он знает, условно говоря, слово *table*, это уже «пятёрка».

Ситуацию нужно было исправлять. По результатам первой четверти только нескольким ученикам я могла поставить «тройки», остальным — «двойки». Я понимала, что вырисовывается ужасная картина, поэтому пошла к завучу и просто спросила: как быть? Она мне сказала: «Татьяна Григорьевна, поступайте, как считаете нужным». И я выставила эти «двойки» за четверть в журнал. Посёлок встал на дыбы. Родители пошли в школу требовать объяснений. И я очень благодарна администрации школы. Директор и завуч встали на мою сторону. Директор сказала родителям буквально следующее: «Вы радуйтесь, что пришёл учитель, который действительно хочет чему-то научить ваших детей».

— Куда бы они поступили после школы с такими фальшивыми знаниями? Это, наверное, надо было объяснить родителям.

— Родителей тогда удалось успокоить. И, в общем, дело сдвинулось с мёртвой точки. Дети стали относиться к предмету более серьёзно. Отработала я там семь лет.

Потом вернулась в город и в 1995 году начала преподавать английский язык в Политехническом институте, который позже был переименован в Технический университет, а потом вошёл в состав СФУ. Проработала там почти двадцать лет, до 2013 года.

— Студенты были больше замотивированы на учёбу, чем сельские школьники?

— Если только в силу возраста. И зависит от специальности. Вот на радиотехническом факультете у студентов я обнаружила более серьёзное отношение к языку, потому что львиная доля литературы по специальности идёт на английском. Они это читали, во всём разбирались и всем интересовались. Мотивация была очень высокая. Я с удовольствием читала вместе со студентами всё, что связано с радиоэлектроникой. Пришлось вникать, чтобы быть в теме.

— Опытные педагоги советуют изучать тот же английский язык по британским учебникам, а российские пособия критикуют. Есть за что?

— Существует очень много пособий, разработанных носителями языка, например учебные пособия издательства Oxford University Press. И брать на фоне этих пособий какие-то другие, на мой взгляд, не имеет смысла.

Есть, например, отечественный школьный учебник, по которому вообще невозможно чему-либо научить. Его составители решили, что раз детям интересны человек-паук, трансформеры, монстры, герои модных мультфильмов, то их и нужно сделать главными персонажами учебника. Разве это даёт представление о стране изучаемого языка и о сегодняшних реалиях? Это просто игрушка, развлекаловка, заполненная зачастую ненужной лексикой.

А ведь учебники играют огромную роль в формировании отношения к предмету. Поэтому я считаю, что лучше взять качественный учебник, пусть и не с нашими реалиями (без этого всё равно не обойтись), но чтобы присутствовала хорошая грамматика и лексика.

И ещё один момент. Учебные пособия — не просто одна книжка. Это целый учебно-методический комплекс. Туда входит сам учебник, рабочая тетрадь, книга для учителя, книга для чтения, аудио- и видеозаписи. А в школе чаще всего — только учебник. Если и берётся рабочая тетрадь, то из неё выборочно делают упражнения, часто в произвольном порядке. Такой вывод я сделала, работая с учениками разных школ и возрастов в качестве репетитора. А ведь рабочая тетрадь — это закрепление изученного материала.

Почему не берётся весь комплекс? Хотя бы потому, что при таком количестве часов, которые отведены в школе на английский язык, у учителя просто нет времени. Вот и получается, что системы как таковой нет, ученики скачут галопом по Европам и в результате имеют какие-то отрывочные знания.

— Сейчас брать ребёнку репетитора — это нечто само собой разумеющееся. Оправдана ли такая позиция?

— Всё целесообразно на определённом этапе. При поступлении в вуз, при подготовке к экзаменам, для поездки за границу, на начальном этапе изучения языка это оправдано.

Здесь хочу отметить ещё один момент. Сейчас стало популярным заниматься с носителями языка, благо появилась такая возможность. Но на начальном этапе, я считаю, необходим русскоязычный репетитор. Иностраный язык для новичка — это что-то огромное и непостижимое. Как в этом разобраться, с чего начать, в какой последовательности распределить материал? Без помощи специалиста это сделать сложно. В самом начале репетитор как навигатор. Он должен научить учиться. Объяснить что, как и зачем, познакомить с методами работы над языком; например, как учить слова.

Что же касается носителя языка, он полезен тогда, когда есть база. Часто носитель — вовсе не преподаватель, он не сможет вам объяснить то или иное грамматическое явление, особенно если таковому нет аналога в русском языке. Он просто пользуется этим в своей речи. А вот для совершенствования языка он полезен.

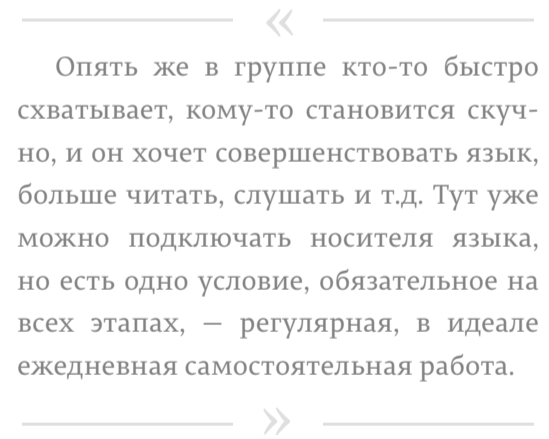
— А что вы можете сказать про интенсивные курсы языка?

— Одно время они были очень модны. «Мы научим вас за 25 дней...», «...за 10 дней», Илона ДАВЫДОВА, которую потом раскритиковали в пух и прах, 25-й кадр и прочее.

Есть, конечно, методики интенсивного изучения языка, и если ими грамотно пользуются специалисты, они имеют смысл. Но человек сразу же должен погрузиться в языковую среду. То есть это работает, если, например, нужно поехать за границу в командировку или в турпоездку. Это отнюдь не глубокое изучение языка, а необходимый мини-набор каких-то фраз и предложений. Человек после интенсивного курса сам предложение построить не может, он воспроизводит только то, что запомнил за интенсив. А у нас люди почему-то думают, что за две недели можно научить языку.

— Как лучше изучать язык — в группе или один на один с преподавателем?

— Начинать, как я уже говорила, лучше с репетитором, который всё объяснит и разложит по полочкам. Затем, при желании, можно продолжить заниматься в группе. Занятия в группе важны хотя бы потому, что язык — это средство общения.

Опять же в группе кто-то быстро схватывает, кому-то становится скучно, и он хочет совершенствовать язык, больше читать, слушать и т.д. Тут уже можно подключать носителя языка, но есть одно условие, обязательное на всех этапах, — регулярная, в идеале ежедневная самостоятельная работа.

— Вы самостоятельно изучили турецкий язык. Какие советы можете дать человеку, взявшемуся изучать иностранный в одиночку?

— Турецкий я ещё изучаю. Вообще, никто не может сказать о себе «я изучил иностранный язык». Это процесс, который не заканчивается никогда. Я самостоятельно изучаю другой язык, потому что знаю, как в принципе это делать, но сомневаюсь, что любой человек сможет это сделать без помощи специалиста.

— Но ведь можно скачать себе какой-нибудь видеокурс?

— А кто при этом будет исправлять ошибки? Ведь они неизбежны. Что-то необходимо просто понять, что-то заучить и отработать, довести до автоматизма. Не каждый способен делать это самостоятельно.

Когда ребёнок учится музыке, он бесконечно «долбит» гаммы — отрабатывает технику, без которой невозможно научиться владеть инструментом. Язык — это инструмент, чтобы владеть им в той или иной степени, нужно им постоянно заниматься.

Поэтому неправы те люди, которые думают, что достаточно заниматься только в те дни, когда они встречаются с репетитором. Язык, к сожалению, так не учится. Примерно 50% успеха зависит от преподавателя, а 50% — от работоспособности ученика. ▲

Записала _ Анна ГРУЗДЕВА
Фото _ Антон ПЕТРОВ

Открытые лекции, интернет-курсы, образовательные подкасты, школы для взрослых и детей по всевозможным гуманитарным предметам захлестнули российскую интеллектуальную жизнь последних лет. В чём причины просветительского бума, какие «дыры» пытаются закрыть многочисленные образовательные инициативы, и есть ли зримая цель, ради которой всё это существует?

Эти и другие вопросы обсудили авторы и участники известных просветительских проектов во время круглого стола «Новое просвещение: интеллектуальное шоу или альтернатива образованию» на КРЯКК.

Просвещать, чтобы развивать

Участники дискуссии:

Наталья КОНРАДОВА, культуролог, журналист, руководитель Школы исследования и текста Российского фонда культуры и научный сотрудник Свободного университета (Берлин). Изучает историю раннего русского Интернета. Модератор дискуссии.

Илья ВЕНЯВКИН, историк советской литературы и культуры, директор образовательных программ InLiberty, участник сетевого проекта «Прожито», создающего полный электронный корпус дневников советского времени, один из авторов книги «Музей 90-х» (НЛО).

Александра БОРИСЕНКО, кандидат филологических наук, литературовед, переводчик, член гильдии «Мастера литературного перевода». Вместе с Виктором Сонькиным много лет ведёт семинар по художественному переводу на филологическом факультете МГУ.

Виктор СОНЬКИН, филолог-славист, кандидат филологических наук, переводчик, автор книги «Здесь был Рим», получившей премию «Просветитель» в 2013 году. Читает лекции об античной истории и для самых разных аудиторий — от младших школьников до англоязычных пенсионеров.

Кирилл ГОЛОВАСТИКОВ, стиховед, редактор Arzamas.academy. Окончил филологический факультет и аспирантуру МГУ. Член редакции журнала по русской и теоретической филологии Philologica. Бывший журналист интернет-издания «Лента.ру» (2008–2014).

Александра АРХИПОВА, кандидат филологических наук, доцент Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС.

Наталья КОНРАДОВА: Существует ли новое просвещение и отличается ли оно от старого? И насколько это слово адекватно для описания, в частности, вашей деятельности?

Илья ВЕНЯВКИН: Мне кажется, есть проблема со словом «просвещение» — оно устарело. Просвещение — это европейская традиция, которая зародилась несколько веков назад, она подразумевает диспозицию участников: есть избранные учёные, которые приезжают и дарят свет папуасам, которые никогда бы без этого света ничего бы не сделали. Если мы говорим про какое-то новое просвещение, то лично для меня важно, что оно имеет дело с отношениями, которые не выстроены в иерархической позиции.

Александра БОРИСЕНКО: Лично для меня разница между старым и новым просвещением совершенно смазана. Мы ведём семинар по художественному переводу в МГУ уже 18 лет, и это

как бы традиционное просвещение. При этом мы занимаемся художественным переводом, это такое занятие, в котором нет правильного ответа к задаче, а мы нет. Например, первокурсник не сможет перевести на том же уровне роман, что и преподаватель, но перевести отдельную фразу он может гораздо лучше. У нас со студентами всегда было взаимное просвещение, мы вместе плаваем в море, и ни у кого нет карт.

Кирилл ГОЛОВАСТИКОВ: Я легко пользуюсь словом «просвещение» в рамках оппозиции к слову «образование». Образование — это когда бумажку в конце выдают. В вузе ты не можешь пропустить ужасный предмет, читаемый ужасным лектором, потому что у тебя экзамен. В Интернете ты можешь выключить лекцию в любой момент. Возможно, из-за этого люди, которые раньше стояли за кафедрой и говорили с трибуны, сейчас стараются изменить свою манеру поведения и способ говорить с аудиторией.

Александра АРХИПОВА: Позднесоветские институты образования всегда были институциональны. Советская власть очень не любила сборищ непонятного формата людей. Существующая модель предписывала, что образование должно быть бесплатным, свободным, оно поощрялось, но институционально. Ты рабочий и хочешь получить дополнительное образование? Тебе — школа рабочей молодёжи. Сейчас процесс меняется вот в какую сторону. В магистратуру, например, приходят инженеры космических двигателей, которые почему-то вдруг заинтересовались антропологией. Они хотят просто узнать новое, им не нужно профессиональное образование. И эта тенденция стремительно растёт. Если 10 лет назад таких людей среди поступающих был 1%, то сейчас — 90%.

Илья ВЕНЯВКИН: Просвещение в каком-то смысле превращается в предмет культа. Мы думаем, что чем больше делаем хороших лекций, тем знание больше распространяется. Но мы, например, не обсуждаем в своём сообществе, зачем нужно снимать прекрасный ролик про Древнюю Грецию. Этот ролик — вещь в себе, у которой есть лайки и репосты, или он может быть эффективным? Мне кажется, это поле для проблематизации.

Виктор СОНЬКИН: К своей книжке «Здесь был Рим» я написал небольшое предисловие, которое называлось «Древний Рим за тысячу слов», куда я постарался вложить всю историю Древнего Рима. Это сложное упражнение. Потом, когда я начитывал аудиокнигу, взял этот кусок, смонтировал ролик и выложил в Ютуб. Недавно я заметил, что у этого ролика уже 30-40 тысяч просмотров. Мне кажется, это не случайно: за 7 минут ты

услышал всю историю Древнего Рима или Древнего Египта. Такие ролики есть и на английском. Может, человек почти ничего не знает об истории Китая, но он может получить хоть какое-то цельное представление. Мне кажется, это та область нового просвещения, которая будет тянуть нас вперёд.

Наталья КОНРАДОВА: Можно ли как-то измерить результаты просветительской деятельности? У меня, например, бывают приступы глубокого пессимизма, когда я думаю, что деятельность моя более-менее бессмысленна.

Александра АРХИПОВА: Я столкнулась в вузе с таким феноменом. Приходят люди и говорят: «Мы смотрели ролик на «Постнауке», мы слушали зажигательные лекции на «Арзамасе», а теперь хотим получить профессиональное образование про то-то или то-то». И дальше начинается самая трагическая часть. Ролик на «Постнауке» — это сложно сделанный крем на торте. Люди съели пирожное, и они хотят получить ещё много пирожных. Но профессиональное образование — это жёсткие сухари, которые ты грызёшь и грызёшь, это всё довольно скучно, много знаний, сложно, отнимает адское количество времени. И люди чувствуют себя обманутыми.

Илья ВЕНЯВКИН: Я как раз глубоко пессимистичен в этом смысле, поэтому мне просто работать. Я, с одной стороны, получаю удовольствие от своей работы, а, с другой стороны, не жду чудес. Я прекрасно понимаю, что если взять и изъять «Арзамас» из этой просветительской грядки, то ничего не изменится.

Кирилл ГОЛОВАСТИКОВ: Пессимизм освобождает. Даже если работать очень хорошо, то всё равно ты сделаешь только 99%, но не 100%, чтобы что-то сдвинуть. Как можно померить результаты? Наверное, почитав мемуары.

Александра БОРИСЕНКО: Довольно важным результатом нового просвещения должно быть не только то, что люди посмотрели трехминутный ролик про всю историю Древней Греции, но чтобы они при этом чётко понимали, что они не знают историю Древней Греции в результате просмотра этого ролика. Это действительно обманчивая лёгкость.

Нужно хотя бы что-то знать как следует, чтобы понимать, что за три минуты ничего не узнаешь. Важно внедрять мысль, что настоящее знание не даётся легко. Я очень большой поклонник современных лекций, но мне кажется, что это тоже довольно важная вещь — помнить о том, что есть популярное знание и есть знание настоящее.

(Окончание
в электронной версии газеты)

Текст _ Александра КАЗАНЦЕВА

Каким был Серебряный век в Сибири

25 ноября в Красноярском драматическом театре им. А.С. Пушкина премьерой спектакля «Леонид Андреев. Дни нашей жизни» начнётся первая часть театрально-литературного проекта «Мы повернули истории бег». Масштабный проект, поддержанный грантом Министерства культуры РФ и Министерством культуры Красноярского края, посвящён столетию Октябрьской революции. Точнее, тем изменениям, что произошли в культуре на сломе эпох.

О том, для чего и как рождаются такие вещи и почему люди отдают себя театру, мы поговорили с главным режиссёром Красноярского драмтеатра, вдохновителем и автором идеи Олегом РЫБКИНЫМ.

— Олег Алексеевич, почему вы, театральный режиссёр, взялись за проект, замысел которого выходит за рамки театра?

— Во-первых, я убежден, что непосредственная обязанность руководителя театра — расширять наши горизонты, создавая проекты синтетические и, как вы сказали, в чём-то выходящие за пределы нашей привычной деятельности. Во-вторых, я уверен, что 100 лет — это серьёзная причина, отбросив эмоции, разобраться в том, что произошло с культурой и искусством России в этот судьбоносный период. Не оценивать исторических событий — мы не историки — но исследовать сквозь вековую призму, как на культуру России (да и общемировую) повлияли изменения в искусстве рубежа XX века.

Да, задача серьёзная, именно поэтому мы не смогли ограничиться только театральными, драматургическими исканиями театра того времени и расширили круг наших интересов, пригласив в Красноярск представителей научного сообщества Москвы, Санкт-Петербурга, сибирских учёных. Собственно, проект — ряд культурных и научных событий, посвящённых нашей теме. Кроме спектаклей по пьесам таких значимых для этого периода авторов, как Леонид Андреев и Николай ГУМИЛЁВ, театрально-музыкального вечера, где прозвучат стихи АХМАТОВОЙ, МАНДЕЛЬШТАМА и других поэтов, пройдёт круглый стол с участием специалистов-культурологов, лекция московского доктора искусствоведения Виолетты ГУДКОВОЙ и др. Всё это — во имя главной цели: осмысление перемен, случившихся в культурной жизни нашей страны, и их последствий для истории России и мировой культуры.

— Об этом периоде достаточно много написано.

— Хорошо, тогда назовите, пожалуйста, представителей Серебряного века в Сибири? Как вы считаете, он вообще в Сибири был, этот Серебряный век? Как раз эту тему мы затрагиваем в выставке, организованной при помощи краеведческого музея, которая откроется в театре драмы в день премьеры спектакля «Леонид Андреев. Дни нашей жизни». Всегда можно найти возможность дополнить информацию, и цель проекта ещё и в этом. Мы не претендуем на полный охват и подробный анализ этого периода. Наш проект — это стартовая площадка для думающих людей, готовых открывать новое, удивляться и радоваться вместе с нами этим открытиями.

Конечно, будут и театральные гости — это театр «Мастерская Петра Фоменко» со спектаклем «Отравленная туника» по пьесе Николая Гумилёва и театр Музыки и поэзии Елены КАМБУРОВОЙ, совместно с которым мы готовим музыкально-поэтический вечер «В ком сердце есть, тот должен слышать время». Откроется же всё премьерой спектакля по произведениям Леонида Андреева, спорного, противоречивого, но безусловно знакового для этого периода автора, произведениями которого зачитывалась Россия. Это один из самых талантливых драматургов рубежа XIX-XX веков, при этом недооценённый — его пьесы чрезвычайно редко идут в наше время.

— Понятно, что бюджетного финансирования недостаточно, чтобы воплотить все творческие планы театра, но поиск грантов, создание идей для их получения — это тоже работа главного режиссёра?

— И работа, и продолжение натуры, желания творить и придумывать что-то новое, возможно, спорное, не всегда очевидное, но при этом необходимое для развития театра, для развития культуры нашего региона. Так, необходимым для Красноярска и края стал фестиваль новых форм театра «Драма. Новый код», который вот уже девять лет проходит в нашем городе при поддержке Фонда Михаила Прохорова. Необходимым мне показался и проект «Мы повернули истории бег», которым нужно заразить соратников, возможно, убедить, потому что проекты делают люди, и чем их больше, тем лучше!

— Именно эти свойства натуры — творить и придумывать необходимое новое — привели вас в режиссуру? Как люди становятся режиссёрами?

— Мне всегда хотелось делать что-то необычное. Я родился в Керчи, где в театре нет постоянной труппы, только здание для антреприз. Помните диалог актёров из пьесы А.Н. ОСТРОВСКОГО «Лес»? «Ты куда? — В Вологду. А ты куда? — В Керчь». Не ходил в театральные кружки или студии. В школе меня интересовала современная музыка — рок, джаз-рок, позже — джаз. Немного играл на гитаре, организовывал дискотеки. На берегу моря, на открытом пространстве мы устраивали такую местную Калифорнию: огромные дискотеки, где можно было поставить хорошую современную музыку и совместить её с приглашёнными артистами ансамбля старинной музыки, например. Или с показом слайдов необычных для того времени художников — МАГРИТТА, ДАЛИ. Или с какими-то литературными ассоциациями. Это соединяло разные виды искусства и, конечно, уже было как-то связано с сочинительством, с созданием.

Точными науками я не интересовался, в аттестате значились сплошные «твёрдые тройки»,

да и те — благодаря добрым взаимоотношениям с учителями и моей активной общественной деятельностью. Не спасали ситуацию даже литература и русский язык, с которыми всё было не так безнадежно. Логично было прекратить обучение на восьми классах — дорога в техникумы и ПТУ всегда открыта, но меня, что называется, дотянули. Какую профессию я мог выбрать? Я поступил на отделение режиссуры в Краснодарский институт культуры, который в районе Северного Кавказа пользовался большим спросом у бездельников. Его же закончили и мой будущий педагог в ГИТИСе Сергей ЖЕНОВАЧ, и мой друг, известный художник Андрей БАРТЕНЕВ, с которым мы, кстати, много лет спустя сделали спектакль «Ивонна» в Новосибирском театре «Красный факел».

Для меня институт стал промежуточным звеном. Как я узнал, оправданным: на тот момент бессмысленно было ехать поступать на режиссуру в Москву или Ленинград (а только там существовали институты, дающие право на работу в профессиональных театрах).

«
Сегодня выпускники школ могут пробовать себя, тогда же режиссёрское образование предполагало наличие первого высшего. Потенциальный режиссёр должен быть человеком образованным, с багажом и знаний, и опыта, чтобы мастер курса не тратил на него время в общеобразовательном смысле. Говорить о конкурсе в 120 человек на место?
»

Но в институте культуры у меня появились и вера в собственные возможности, и удивление, что, оказывается, можно получить нужные знания самостоятельно. Практически всё свободное время я проводил в Краевой научной библиотеке. Жадно набирал информацию по специальности, по кинорежиссуре. Тогда сложно было найти многие книги, например «Параболу замысла» Андрея МИХАЛКОВА-КОНЧАЛОВСКОГО, на тот момент уехавшего в Голливуд. В фондах она вроде была, но получить её было практически невозможно. Или, что кажется смешным, нежелательные страницы были заклеены. И это каса-

лось многих книг, и вообще культурной жизни на Кубани.

— На Кубани какая-то своя специфика?

— Конечно, как и в Сибири, и в любых других достаточно субкультурных местах. Кубань — один из самых благополучных регионов, там житочное население, привыкшее себя полностью обеспечивать, прекрасный климат. Это и курортный край, и яблочный, и пшеничный. И люди там с историческим казачьим самосознанием. Конечно, они не столь карикатурны, как в фильме ПЫРЬЕВА, но характеры там ухвачены метко — хозяйственники они. Поэтому с культурой там всегда было сложно. Никогда не блистал и сейчас не блещет Краснодарский драматический театр. Вот Кубанский казачий хор — это да! Все девки рослые, красавицы. Попаст туда было безумно сложно, поскольку они ездили на гастроли за границу, являли миру казачью статью и породу.

— Почему же с театром не сложилось на Кубани?

— Когда слишком тепло, хорошо, особо заниматься театром не хочется. Да и ходить в него тоже. Если только для развлечения. Наверное, поэтому серьёзного театра там никогда не было. Нет, ставили и Островского, и ГОРЬКОГО, но так скучно, что залы всегда оставались полупустыми. И я, будучи студентом, смотрел в ужасе на спектакли драмтеатра: неужели и мне придётся заниматься искусством такого рода, с тем же не радостным для творца и зрителей результатом?

— И всё же вы увлеклись театром?

— Да, наверное, в этом смысле я сам себя сделал. Конечно, я ездил смотреть, что мог, в Москву, в Ленинград — БДТ, Таганка, Малый драматический, Ленком. Пришло понимание лучших образцов театрального искусства. В этом смысле моё развитие шло параллельно тому, что происходило в институте, где было неинтересно и в какой-то степени смешно. Там на меня уже плюнули: в области поднятия культуры Кубани было очевидно, что на меня надежды возлагать не стоит.

Потом была армия, я служил в Казахстане, в Джезказганской области, я сержант запаса войск ПВО.

— Служба в армии не перевернула ваш мир?

— Нет, как любой нормальный человек я старался держаться поближе к клубу и кухне, которые помогали делать тяжёлую службу приемлемой. После армии не поступил в Школу-студию МХАТ.

— Есть драгоценный опыт неудачного поступления?..

— Да, это был последний набор Олега ЕФРЕМОВА, совместный курс с Розой Абрамовной СИРОТОЙ, на который взяли троих студентов. Конечно, пытаться поступать было практически бессмысленно.

— Но вы всё же попытались.

— Это был конвейер: десятки людей входили, что-то говорили, читали, пели, их просили сплясать — они плясали, я тоже плясал. Видимо, неудачно. Понятно, что нужно было продемонстрировать владение актёрскими данными, не самыми важными, на мой взгляд, для режиссёра. И пережил провал легко, поскольку не было иллюзий.

Год я работал в народном театре, а после поступил на режиссёрский факультет ГИТИСа в мастерскую Петра Наумовича ФОМЕНКО. На вступительных не плясал. Но, видимо, Мастер увидел что-то. Мы все учились и одновременно, как потом оказалось, участвовали в создании его театра, который теперь так и называется — «Мастерская Петра Фоменко». Мы были самым маленьким курсом — пять режиссёров, пять актёров и несколько кандидатов, среди которых и Мадлен ДЖАБРАИЛОВА. При этом без экзаменов приняли двоих иностранцев — китайку-режиссёра Ма Джан Хун и македонца-режиссёра Ивана ПОПОВСКИ. Обычно когда говорят «наш курс» — это 25-35 человек, обязательно кого-то забудешь, перечисляя. А я могу по пальцам перечислить, артисты вот: сестры Полина и Ксения КУТЕПОВЫ, Галя ТЮНИНА, Рустэм ЮСКАЕВ, Тагир РАХИМОВ, Андрей КАЗАКОВ и Карен БАДАЛОВ.

Актёры все на слуху, у режиссёров по-разному сложилась судьба. Это был личный выбор каждого. Мне предложили поставить дипломную работу в Красноярском драматическом театре им. А.С. Пушкина. Точнее, конечно, предложили Петру Наумовичу выбрать кого-то из своих студентов, кто смог бы уже на тот момент работать в большом серьёзном театре. Он выбрал меня, и я с радостью поехал в Сибирь ставить пьесу, которая мне очень нравилась — «Свадьбу Кречинского».

Помню, как впервые прилетел в Красноярск, это одно из самых ярких впечатлений. Столь больших расстояний я раньше не преодолевал. Долгий перелёт, в Красноярске вьюга, зала прилёта ещё не было, и мы стояли в снегу у каких-то ворот в ожидании багажа, чемоданы нам скидывали прямо на руки из кузова грузовика.

— А театр какое впечатление произвёл?

— НАСТОЯЩИЙ ТЕАТР, как его, наверное, представляют дипломники — со всеми возможностями, но и со всеми проблемами — цехами, мастерскими, артистами, а не какими-то друзьями-собутельниками-однокурсниками. Конечно, я пытался соответствовать серьёзному уровню театра.

— Но вряд ли тогда думали: вот бы остаться здесь работать!

— Нет, на тот момент у меня были предложения в Москве. После работы в Красноярске я выпустил спектакли в Театре на Малой Бронной и в Новом драматическом театре.

А потом начался катастрофический для театра период — перестройка. Спектакли практически не ставили, зрители почти не ходили. И я с радостью принял предложение «иностранцев» работать на радио ВВС. Мы делали, пожалуй, один из самых длительных радиосериалов в истории российского радиовещания. Проект назывался «Дом 7, подъезд 4». Через жизнь соседей, жителей одного подъезда мы рассказывали о новой экономической ситуации: что такое кредит, как работает малый бизнес и т.д. Технологически это был довольно сложный проект, нас обучали англичане, в сериале работали ведущие артисты московских театров, известные драматурги, среди которых был и Александр ТИМОФЕЕВСКИЙ, автор знаменитой «Песенки крокодила Гены». А записывалось всё на Качалова — в той же студии, где записывали свои спектакли ЭФРОС и ЛЮБИМОВ. Как драматург для этого проекта я написал

Справка

Олег Рыбкин, главный режиссёр Красноярского драматического театра им. А.С. Пушкина с 2006 года. С 2008 года — художественный руководитель фестиваля новых театральных форм «Драма. Новый код» (ДНК).

Поставил более шестидесяти спектаклей в театрах Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Томска, Самары, Новосибирска, Челябинска, Перми, Ставрополя, Екатеринбург, Уфы, Софии, Красноярска и других городов.

Шесть номинаций на Национальную театральную премию «Золотая маска».

Лауреат премии Правительства Российской Федерации им. Федора Волкова «За вклад в развитие театрального искусства».

около пятисот эпизодов, как режиссёр поставил около полутора тысяч.

— То есть англичане вас спасли?

— Да, в то время, когда многим артистам и режиссёрам приходилось торговать на рынке или работать в такси, я благодаря этому проекту оказался экономически защищён. Платили нам в долларах, и, получив зарплату, можно было почувствовать себя богачом, скупив половину ларька. Но, конечно, это был всё же не театр. Поэтому когда меня пригласили поставить спектакль в новосибирском «Красном факеле», тут же согласился. Жил в Москве, наездами работал в Новосибирске: поставил один, второй, третий спектакли и получил приглашение остаться в качестве главного режиссёра.

— И из сытой московской жизни уехали в провинцию?

— Да, в Москве оставалась семья — жена, ребёнок. Но там не торопились давать работу молодым режиссёрам — не то было время. В этом смысле мы потерянное поколение, пробиться удалось единицам. А в Новосибирске ждал театр, там уже появилась своя публика, которой были интересны именно мои спектакли. Но нужно понимать, и это важно — я не считал это подвигом. Это было редкой по тем временам возможностью получить свой театр, заниматься творчеством, чего были лишены большинство режиссёров,

закончивших в одно время со мной ведущие театральные вузы страны.

И я стал самым молодым в России главным режиссёром.

— Соглашаясь, вы понимали, какие обязанности принимаете на себя?

— Не до конца. Ежедневный круг обязанностей у главного режиссёра, конечно, гораздо шире, чем у приглашённых. Это и формирование репертуара, приглашение других режиссёров, распределение ролей так, чтобы вся труппа была занята, и работа у артистов была в разных амплуа; другая ежедневная рутинная работа.

— Как изменился театр с вашим приходом?

— В первую очередь в репертуаре появились современные европейские пьесы, которые впервые в России были поставлены именно в «Красном факеле»: Бото ШТРАУС, Витольд ГОМБРОВИЧ, Вернер ШВАБ, Б.-М. КОЛЬТЕС и т.д. Так сложилось, что этот период оказался важным и интересным для культурной жизни Новосибирска.

— Однако режиссёра, ставшего для города культовым, театр сохранил не смог?

— Дело не в этом. Есть периоды, которые исчерпывают себя. В Новосибирске на тот момент я сделал, как мне казалось, всё, что мог, и с приходом нового директора ушел. Ставил по всей России: в Самаре, в Омске, в Санкт-Петербурге. Директор Красноярской драмы Петр Анатольевич АНИКИН пригласил в Красноярск, и на сцене театра им. Пушкина после многолетнего перерыва появился Островский — «Таланты и поклонники». Спектакль быстро стал популярным, мы с ним много ездили, играли на фестивале «Островский в доме Островского» в Малом театре. Логичным продолжением стало предложение стать главным режиссёром в Красноярском драмтеатре.

— Но ведь кочевая жизнь свободного художника, далёкого от административных забот и ответственности, привлекательна: поставил спектакль, получил букеты и поздравления и поехал творить праздник в другой театр.

— Я к тому времени уже устал мотаться по стране. К тому же в работе главного режиссёра, кроме обязанностей, есть и свои преимущества: ты сам выбираешь пьесы для постановки, что не всегда возможно у приглашённых режиссёров. Ты лучше знаешь труппу, возможности артистов, можешь выстроить репетиционный график так, чтобы не торопиться.

— Спустя столько лет после выпуска из ГИТИСа вы определяете себя в первую очередь как ученика Петра Фоменко.

— О Петре Наумовиче Фоменко написаны десятки книг, монографий, о его феноменальной театральности, безумной чуткости к тончайшим душевным порывам. Конечно, мы были близки, поскольку учитель всегда набирает близких по духу учеников, бессмысленно ломать сложившуюся личность.

И тут можно говорить о духе мастерской, тех тонких флюидах, которыми напитаны и спектакли Петра Наумовича, и его отношения с учениками. Это пристальное внимание к человеческим отношениям, уходящим за пределы быта. Конечно, самое важное, что невозможно определить, — интонация. Интонация отношения к жизни.

До сих пор каждую свою работу я представляю как внутренний диалог с ним. Как любой режиссёр, он не любил смотреть чужие спектакли, но на моих, когда мы привозили их в Москву, был всегда, за что я ему бесконечно благодарен. Это та поддержка и внимание Мастера, которая бесценна. И это удивительное обаяние его личности — одной короткой, а иногда и длинной встречи с ним хватало надолго, подтверждало, что ты занимаешься чем-то нужным, можно сказать и так — дарило силы.

— Где после его ухода тот источник для подкрепления сил?

— Это было очень трудно принять — его уход. Теперь остался только внутренний диалог, который я по-прежнему веду с ним.

— Спустя десять лет работы в Красноярске где вы, южанин, живший в Москве, работавший по всей России, чувствуете себя дома?

— Здесь, в театре, с которым мы пережили четыре непростых года реконструкции, в проектировании которого я принимал серьёзное участие, в театре, где большинство молодых артистов труппы были приглашены мной, в театре, с которым у меня уже почти родственные отношения. Можно не продолжать, мне кажется, и так понятно?

На почту редакции иногда приходят неожиданные письма. Например, месяц назад из Иркутска незнакомый автор прислал несколько своих прозаических этюдов с иллюстрациями — рассказ о родном селе Курагино, о зимнем утре. Когда мы попросили Владимира ЩЕРБИНИНА более подробно рассказать о себе, выяснилось много неожиданного. Во-первых, что он не только писатель, но и художник. Во-вторых, кандидат психологических наук. В-третьих, окончил физико-математический факультет Красноярского госуниверситета в 1972 году. В сети оказалось и того больше: можно найти повесть «Мой путь в науку», цикл в стиле хокку «Лето, отражённое в стихах», репортажи с художественных выставок: «Игры подсознания» (2009 г.), «Дыхание тысячелетий» (2015 г.) и др. Такие люди интригуют, и их внутренний мир становится точкой притяжения.

О себе

Написать о себе так, чтобы это не было «сухим» изложением «сухих» фактов (где, когда и на кого учился, где и кем работал), а рассказать о себе как о личности, о своих качествах, целях, интересах и пр., оказалось не простым занятием. Поскольку поневоле (или осознанно) стараешься показать наиболее привлекательные стороны, а те качества, которые осуждаются (к примеру, зависть, жадность, агрессивность и пр.), конечно, пытаешься скрыть. То есть, говоря о самом себе, покажешь только привлекательную, «фасадную» сторону личности (об этом я писал в эссе «Тыква»). Думаю, более правильно с этой точки зрения, если я поделюсь своими мыслями, написанными для себя — частью своего дневника.

Лето, отражённое в стихах

Днём в саду расцвёл куст белых пионов.
Отец хотел подарить их дочери на юбилей.
Ночью отца не стало.

Ягоды вишни,
Как крупные слёзы.
Много их пролито деревом.

Колючая гусеница на тропинке.
Уступил ей дорогу.
Она спешит...

Протока реки пересохла.
В луже металась малька.
Спасут ли их дожди?

Откину штормку.
За окном целый мир.
Устал спорить с памятью.

Листва теряет свою яркость.
Как и всюду,
У молодости короткое время.

Ранним утром
На воду горной реки,
Кружась, опустилось перо птицы.

Утром позвонил дочери.
Она сообщила, что дети завтракают.
По стуку ложек понял, что каша удалась.

Забывтая кем-то рубаша развевается на ветру,
Она давно высохла.
Под новым дождем намокнет вновь.

«Заповедный сад» прошлого (психоаналитический этюд)

Ещё будучи дошкольником, я был испуган нашей собственной собакой. Это был большой цепной пёс, дети его боялись, к нему подходил только отец. Заигравшись, я зашёл на его зону и был наказан. От того эпизода на икре левой ноги остался шрам.

Если перед засыпанием я прикасаюсь к этому шраму, то те далёкие детали оживают в памяти со всеми мелкими подробностями: как кричала мать, как отец бил палкой собаку, как меня везли в больницу, а затем врач подарила мне стеклянные шприцы после уколов. То, что происходило с нами в далёком детстве, живёт в нас, даже если не всегда мы это осознаём..

В своих мыслях я часто переношусь в то время и в те места, когда был счастлив, это мой тайный «заповедный сад», о котором никто не знает, дорога в который известна только мне одному. Это моё убежище, моя пещера, мой путь для отступления, моя потайная комната, мой необитаемый остров. Может быть, это самое ценное, что у меня есть. Это то, что меня сформировало и сделало таким, какой я есть.

Это отражение самого себя, которое было во внешнем, а со временем перешло во внутреннее. Видимо, такой сад есть у каждого. Только одним он мало нужен — сидит где-то в подсознании, другие же живут только там и совершенно оторваны от жизни.

В своём «саду» я знаю каждую тропинку, каждый куст; что-то вынести оттуда или изменить его нельзя — прошлое не перепишешь. Оно осталось таким, каким было.

Можно, правда, с годами и приобретением опыта по-другому воспринимать свой «сад»,

но с какой высоты или под каким углом его ни рассматривай, сам «сад» не меняется, в этом весь парадокс. Совершая мысленные прогулки по своему «саду», я могу встретить тех людей, кого давно нет на этом свете. Поговорить с ними, поспорить.

Я там часто встречаю отца, мать, погибшую жену, стараюсь попросить прощения за свои необдуманные слова и поступки или что-то обсудить. И что хорошо, мне никто там не мешает, этот «сад» только для меня одного.

Картина Владимира Щербинина
«Создание музыки», 2005.
Масло, холст

Тыква

Теперь поговорим о внешнем облике и внутреннем содержании. Часто внешнее выглядит довольно привлекательно, оно может быть блестящим и отполированным, красивым и законченным.

В связи с этим я почему-то вспомнил, как писал картину «Тыква».

Она была большой, ярко-оранжевой, с гладкой восковой поверхностью. Не тыква, а произведение искусства, созданное природой. Мне захотелось взглянуть на неё по-другому, изнутри.

Вырезав квадратное отверстие в стенке тыквы, я сделал несколько фотоснимков и набросков и, как оказалось, сделал это своевременно, поскольку от изменения температуры и влажности уже через короткое время внутренняя структура опала и изменилась. Интересное зрелище я увидел: какие-то невообразимые нити в капельках жидкости, перегородки, семена снизу и сверху, как сталактиты и сталагмиты в каменной пещере. Краски — от светло-розового до оранжевого тонов.

Вот так и человек. Внешне мы его видим «отполированным», привлекательным, радушным, а если случайно заглянем за красивую ширму, то увидим его «нити, перегородки и разные лабиринты», в которых порой можно заблудиться.

Задача психолога — распознать не только вне-

шние, видимые штампы, показательные и очевидные маски, а суметь заглянуть «внутрь» человека, в его скрытый, внутренний мир; разобраться в этом разноцветном клубке мотивов, установок, амбиций и намерений.

Именно при разделе наследства человек показывает свою внутреннюю суть, раскрывает себя, внутреннее содержание выплескивается наружу. И сразу можно понять, кто есть кто.

Человек становится видим «изнутри», небрезгует никакими методами, «тыква» разваливается.

